

РОССИЯ vs. ЗАПАД: вчера, сегодня, завтра

Геворг Мирзаян

БЛИЖНЕВОСТОЧНЫЙ ПОКЕР

Новый раунд Большой Игры

Геворг Валерьевич Мирзаян
Ближневосточный покер.
Новый раунд Большой Игры
Серия «Россия vs. Запад. Вчера, сегодня, завтра»

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=17980847
Мирзаян, Геворг. Ближневосточный покер. Новый раунд Большой Игры: Эксмо; Москва; 2016
ISBN 978-5-699-87595-5

Аннотация

Современный Ближний Восток, еще не отошедший от «арабской весны» и сотрясаемый войной в Сирии, стал своего рода Диким Западом. Несмотря на невероятно напряженную обстановку в регионе, он представляет огромные возможности для удачливых и успешных. По сути, речь идет о новой Большой Игре по контролю за регионом и его составляющими: месторождениями углеводородов, международными торговыми путями, идеологией арабских наций и, что немаловажно, вектором дальнейшего развития исламской идеологии. Поэтому в ближайшее время на ближневосточном столе ожидается новая раздача с новыми картами. Выходящий из-под санкций Иран, ослабленная своими авантюрами Турция, поставленный на место Катар, трещащая по швам Саудовская Аравия и признавшие невозможность управлять регионом в одиночку американцы будут определять новый облик Ближнего Востока. Займет свое место за «игорным столом» и Россия. Со своими козырями на руках.

Содержание

Предисловие	5
Глава 1	8
Крошка сын к отцу пришел...	9
Важное и приличное государство	11
Щит и меч эмира Хамада	13
Новые возможности	15
Катар всемогущий	17
Зарвался	20
Переход под ковер	22
Ультиматум и спасение	24
Москва помешала	26
Глава 2	27
Саудовские воспитатели	28
Черепаша обошла зайца	30
Жемчужный успех	32
Йеменский контрудар	34
Афганистан под боком	36
Союзнички	38
Не убедили	40
Цена поражения	42
Образованный король не нужен	44
Научитесь разговаривать	46
Отцы против детей?	48
Как спровоцировать Иран	50
Глава 3	52
Старые болячки	53
Братья из подполья	55
Вся власть «Ихвану»	57
Конец ознакомительного фрагмента.	58

Геворг Мирзаян

Ближневосточный покер.

Новый раунд Большой Игры

© Мирзаян Г.В., 2016

© Издание, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2016

Предисловие

Ближний Восток всегда был очень сложным регионом. Там сходились различные цивилизации, которые превращали это пространство в карточный стол, на котором выигрывали войны и уничтожали соперников. В результате на сегодняшний день Ближний Восток вполне может оспорить у Афганистана титул «кладбища империй». Арабы считают, что именно они нанесли серьезный, если не смертельный, удар Османской империи, что именно Суэцкий кризис положил конец британским и французским глобальным амбициям. Сейчас же пришел черед Соединенных Штатов.

Определенная доля истины в этой претензии есть. Именно ближневосточная политика США в XXI веке (начиная с иракской войны) и стала тем «перенапряжением ресурсов», который надломил *Raх Americana* и перевел концепцию многополярного мира из чисто умозрительной в практическую плоскость. Самые же серьезные ошибки были сделаны во время процесса так называемой «Арабской весны». Вопреки мнению ряда экспертов, Соединенные Штаты не являлись инженерами этого процесса, и даже его основными бенефициарами.

Да, у них было свое видение о том, как должен выглядеть регион в будущем (так называемая концепция «Большого Ближнего Востока» – создание в регионе серии демократических, а посему понятных и управляемых государств), и они постепенно шли к реализации этого видения. Свой проект «модернизации» ближневосточных режимов предложил Джордж Буш-младший, однако этот проект застопорился после первого же подхода к снаряду – войны в Ираке. Гуманитарные интервенции и силовая «демократизация» приводили лишь к сносу существовавших сдержек и противовесов, краху госаппарата, нивелированию остатков сопричастности к общегосударственной идее со стороны населения с последующим откатом стран чуть ли не к догосударственному (клановому) формату взаимоотношений. Команда Обамы придерживалась иного подхода, по ее мнению, трансформация должна была пройти эволюционно, а не революционно. Вашингтон вполне успешно работал с местными авторитарными элитами. Хосни Мубарак был союзником, а Муаммар Каддафи – важнейшим пропагандистским примером (образ Блудного сына, который покаялся перед Западом и получил достойное место у очага, должен был поощрять страны третьего мира идти на компромисс с Вашингтоном). Даже Башар Асад делал шаги в правильном с американской точки зрения направлении. Тяготившийся чрезмерной зависимостью от Ирана и желающий привлечь инвестиции в свою экономику, сирийский президент вел секретные переговоры с Израилем о мирном договоре и взаимоприемлемом решении вопроса о Голанских высотах (начавшаяся в Сирии гражданская война, естественно, ввела эти переговоры как минимум в состояние глубокой комы). В результате сложившихся отношений американцы не только реализовывали свои внешнеполитические задачи (им удавалось более-менее сдерживать Иран, сохранять в регионе баланс сил между основными игроками, а также не допускать никаких серьезных кризисов, способных взорвать и без того беспокойный Ближний Восток), но и возвращали в странах-партнерах гражданское общество. Предоставляли местной городской молодежи доступ к западной культуре, медиапродуктам, образованию, рынку.

С этой точки зрения «Весна» стала своего рода фальстартом, который обрушил американские планы и заставил Соединенные Штаты действовать по обстоятельствам, исходя из тактически меняющейся ситуации. Однако очень быстро выяснилось, что по обстоятельствам американцы не умели. Они совершили целую серию ошибок и тактических просчетов (наиболее видимыми, хоть и не наиболее серьезными, были действия в Египте, когда США за несколько лет дважды поменяли политику на 180 градусов). Мультиплицированная предыдущими ошибками (приведшими, например, к выходу Ирана из изоляции после ликвидации руками американцев двух иранских врагов – Саддама Хусейна и Талибана), эта

серия просчетов привела, во-первых, к резкому ослаблению авторитета США на Ближнем Востоке. «Обаму воспринимают в регионе как слабого, беспомощного лидера, – писал в 2012 году директор Брукингского центра в Дохе Шади Хамид. – Люди думают, что если в конфликте с Обамой занять жесткую позицию и не уступать, то американский президент в конце концов сам отступит»¹.

Во-вторых, к серьезной дестабилизации региона, к исчезновению старого порядка при отсутствии эффективного нового. До начала «Весны» у арабов был выбор между диктатурой (светской или религиозной – не важно) или терроризмом. Сейчас же «никакой диктатор с железной рукой больше не сможет контролировать эти территории, потому что их население потеряло чувство страха», – пишет американский журналист Томас Фридман², а Ливия, Сирия и даже Египет не в состоянии заниматься поддержкой светских сил в арабских странах. Однако альтернативных эффективных предложений арабы не получили (вариант с умеренной исламской демократией получил смертный приговор в Египте вместе с символизирующим его президентом Мухаммедом Мурси). Оставался терроризм в лице Исламского государства (ИГ)³ и ему подобных структур, пропагандирующих идеи равенства и социальной справедливости. Поборники версии о «хитром плане Вашингтона» считают, что США намеренно создали управляемый хаос, однако на самом деле речь идет о неуправляемом, который поставил под угрозу американские интересы на Ближнем Востоке и американское лидерство во всем мире.

Финальным аккордом американского провала, конечно же, стала ситуация с «анти-террористической кампанией» США против ИГ, когда американские бомбардировки не достигли успеха, а поддерживаемые американцами лидеры и вооружаемые и обучаемые США группировки бежали сломя голову перед «воинами Халифата». «Как я уяснил из опыта вьетнамской войны и конфликтов, произошедших за последние десятки лет, между обучением местных сил и отправкой их в бой есть большая разница. Учитывать необходимо, но этого недостаточно. Люди воюют не потому, что их обучили, а потому, что они во что-то верят. А сейчас самые верующие в регионе – это ИГ», – говорит бывший директор ЦРУ Джон Маклафлин⁴. Президента обвиняют в том, что он не просто потерпел поражение в войне с ИГ, но и не хочет признать истинную сущность (а значит, и опасность) этого явления. «Президент Обама встает и говорит, что Исламское государство не исламское. Безумие какое-то», – говорит кандидат в президенты от республиканцев Тед Круз⁵. «Все хотят быть политкорректными, и это часть проблемы, с которой сталкивается наша страна», – уверяет его коллега по амплуа Дональд Трамп⁶. Если бы не ядерная сделка с Ираном, предоставляющая ряд интересных возможностей, то можно было бы сказать, что США стали основным внешним игроком, проигравшим в ходе «Арабской весны».

Другие страны, не менее важные с точки зрения процессов «Весны», тоже за ближневосточным покерным столом отыграли весьма спорно и неоднозначно. Несмотря на наличие крайне удачных карт в начале игры, Катар, Саудовская Аравия и Турция разыграли их не очень удачно, в результате чего потеряли даже те средства, с которыми входили в игру. Израильяне так и не смогли вытащить из колоды выигрышные карты, хотя они фактически

¹ Kirkpatrick David. Benghazi and Arab Spring Rear Up in U.S. Campaign. The New York Times. October 21, 2012 <http://www.nytimes.com/2012/10/22/us/politics/benghazi-and-arab-spring-rear-up-in-us-campaign.html?ref=opinion>

² Friedman Thomas. The Arab Quarter Century. April 09, 2013 http://www.nytimes.com/2013/04/10/opinion/friedman-the-arab-quarter-century.html?_r=0

³ Запрещенная в России террористическая организация.

⁴ https://www.washingtonpost.com/opinions/how-the-islamic-state-could-win/2015/05/27/d33af750-03f1-11e5-bc72-f3e16bf50bb6_story.html

⁵ <http://edition.cnn.com/2015/12/06/politics/obama-oval-office-speech-terrorism/>

⁶ Там же.

лежали у них на виду. Египет и Сирия практически обанкротились и только-только начинают снова набирать капитал. Ливия же обанкротилась полностью и за стол не войдет еще на протяжении очень длительного времени. По сути, четкая выигрышная стратегия была лишь у Ирана, который правильно распорядился имеющимися картами и следовал выигрышной стратегии. Победителем оказался еще один игрок, который после долгого периода отсутствия вернулся за стол, – Россия. Используя промахи оппонентов, она во всех партиях (кроме разве что ливийской и катарской) получила прибыль.

Глава 1

Катар: маленький гигант Большого Востока

Одна из самых небольших стран региона – Катар – превратилась на время в серого кардинала всего Ближнего Востока. Однако взлет эмирата был недолгим, а падение – болезненным.

Образ Катара в регионе можно четко разделить на «до» и «после» начала «Арабской весны». До начала ее экономическая и политическая линия эмирата отличалась практичностью и продуманностью. Чем-то она была похожа на британскую континентальную политику XVII–XVIII веков – играя на противоречиях своих противников, делая упор на развитие экономики и активную дипломатию, Катар не только обеспечил свою безопасность в этом крайне беспокойном регионе, но и заставил с собой считаться все ведущие центры силы. Однако после начала войны гиперактивная политика эмира ликвидировала почти все его дипломатические достижения, выхолостила ряд его внешнеполитических инструментов (прежде всего «Аль-Джазиру», которая потеряла статус объективной телестанции, превратившись, по словам нью-йоркской *Daily News*, в «арабскую пропагандистскую организацию, которая контролируется средневековым катарским режимом и маскируется под реальную медийную компанию» ⁷). Аналитики опасаются, что серия ошибок, допущенных эмиратом, может серьезно ударить не только по его экономическим и политическим интересам в регионе, но и привести к серьезной угрозе национальному и династийному суверенитету.

⁷ Hugh Eakin. The Strange Power of Qatar. The New York Review of Books. October 27, 2011 <http://www.nybooks.com/articles/archives/2011/oct/27/strange-power-qatar/>

Крошка сын к отцу пришел...

«Сильные поступают так, как хотят, а слабые страдают так, как и должны». Это выражение Фукидида было крайне актуально для Ближнего Востока, которым десятилетия управляли крупнейшие государства региона (Египет, Сирия, Саудовская Аравия, Турция), а также внешние игроки в лице США и, на протяжении какого-то времени, СССР. Катару места в этом пуле управляющих не нашлось. Эмират является одной из самых маленьких арабских и мусульманских стран, как по размеру территории (11,5 тысячи квадратных километров, 158-е место в мире), так и по численности проживающего в эмирате населения. В стране живет менее 2 миллионов человек, из которых собственно граждан Катара – лишь несколько сотен тысяч, а остальные – это гастарбайтеры, в основном из Южной и Юго-Восточной Азии ⁸.

Все, что было у страны, – это огромные газовые запасы, обнаруженные в 70-х годах. Страна до сих пор является третьей в мире по объемам доказанных запасов «голубого топлива». Пользуясь этим, вплоть до середины 90-х годов Катар ничем не отличался от маленьких эмиратов и королевств Залива – доходы от продажи газа вкладывались исключительно в красивую жизнь местной элиты и тогдашнего эмира Халифа бин Хамада аль-Тани. Сам эмир создал в стране государство всеобщего благоденствия, отдал защиту родных барханов на аутсорсинг американским друзьям, управление страной – сыну Хамаду бин Халифа, а сам предпочитал жить в европейских столицах. Идиллия закончилась летом 1995 года, когда в Цюрихский отель эмиру позвонил его сын Хамад и проинформировал отца, что тот больше не эмир. Сам Хамад потом объяснял, что он просто хотел изменить экономическую политику эмирата, учитывая тот факт, что деньги от нефтедолларов когда-нибудь закончатся. «Когда-то Катар занимался добычей жемчуга, и когда японцы создали искусственный жемчуг, то это погрузило Катар в пучину бедности и лишений. Затем у нас нашли нефть... но мы не извлекли уроки из ситуации с жемчугом, не думали о том, что снова можем стать бедными», – объяснял он затем в интервью британской прессе. По его словам, когда пики цены на нефть (приходящиеся на период Войны Судного дня, ирано-иракского конфликта, вторжения Ирака в Кувейт) сменялись падениями, то властям Катара приходилось обращаться за кредитами в банки ⁹, и это было ненормально. Поскольку отец его аргументам не внимал, а несогласных с его экономической политикой традиционно репрессировал (под раздачу в свое время попала и семья любимой жены принца Музы, которая оказывает на него колоссальное влияние), Хамад решил действовать. Он заручился поддержкой ряда членов правящей фамилии (прежде всего своего влиятельнейшего двоюродного брата **Хамада бин Джассема аль-Тани**) и позвонил отцу. Уже бывший к тому времени эмир попытался устроить контрпереворот, однако Хамад бин Халифа при помощи своих американских друзей заморозил все активы отца на зарубежных счетах и вынудил его, а также тех представителей правящей фамилии, которые не согласились со сменой власти, отправиться в изгнание (на родину бывший глава государства вернулся лишь в 2004 году).

Став эмиром, Хамад бин Халифа назначил кузена Хамада бин Джассема премьер-министром и сразу же начал вырабатывать новый курс. Основной задачей нового эмира было защитить катарский суверенитет от посягательств любых сил, как региональных, так и внешних. И прежде всего не стать 14-й провинцией Королевства Саудовская Аравия (в 1913 году основатель КСА Абд аль-Азиз ас-Сауд пытался захватить Катар, однако за эмират

⁸ Там же.

⁹ Martin Dickson. Interview transcript: Qatar's Sheikh. The Financial Times. October 24, 2010 <http://www.ft.com/intl/cms/s/0/9163abca-df97-11df-bed9-00144feabdc0.html#axzz1iWROU2GW>

вступились англичане) или 32-й провинцией Ирана. Опыт Кувейта, подвергшегося вторжению войск Саддама Хусейна в 1991 году, показал, что для защиты суверенитета простого богатства недостаточно. Да, «Буря в пустыне» состоялась, однако, во-первых, освобождение Кувейта началось только через несколько месяцев после иракского вторжения. А во-вторых, в 1991 году американцы легко пожертвовали Хусейном потому, что союзнические отношения с ним к тому времени строились скорее вокруг общих воспоминаний периода ирано-иракской войны. Не исключено, что если агрессором стала бы Саудовская Аравия (союзнические отношения с которой у Вашингтона строятся не на ностальгии, а на нефтедолларах), то освобождения не было бы вовсе.

Важное и приличное государство

Проблемой было то, что Катар не мог защититься традиционным способом. У него нет и не могло быть ни мощной армии наподобие иранской или египетской, ни духовного щита типа Мекки и Медины, ни святости династии, как у хашимитов в Иордании. А защита была нужна, ведь после переворота новый эмир встретился с весьма прохладным отношением к себе со стороны традиционных лидеров арабского мира – Египта и Саудовской Аравии. Каиру и Эр-Рияду по душе был предыдущий эмир – покладистый, неамбициозный, стремящийся никуда не лезть и ничего нового не выдумывать. Поэтому новый эмир Хамад стал искать новые, нетрадиционные средства сохранения катарского суверенитета – и нашел их.

Прежде всего, эмир сделал Катар экономически важной для Запада страной. И эмир не ограничился подсаживанием Запада на газовую иглу (по состоянию на 2012 год 23 % потребляемого ЕС газа имело катарское происхождение ¹⁰). И не ограничился созданием на своей территории огромного аэропорта и строительством порта, которые сделали эмират одним из крупнейших в мире логистических хабов. Основная важность Катара объясняется его колоссальными инвестициями в западную экономику (в 2011 году Qatar Investment Authority обладал 70 миллиардами долларов ¹¹). Эмират попросту скупал активы, прибыльные как с материальной, так и с имиджевой точки зрения. Например, за 150 миллионов евро надпись Qatar Foundation появилась на футболках ФК «Барселона» (всегда гордившегося тем, что, поскольку «Барса» больше, чем клуб, на футболках его игроков не было коммерческих надписей). Кроме того, эмират стал первой арабской страной, которая получила право провести чемпионат мира по футболу (в 2022 году).

Особенно активную экспансию Катар развил во время экономического кризиса – сверхдоходы от продажи газа позволяли. «Многие страны предпочитают хранить деньги при себе, а не вкладывать их в зарубежные предприятия. Для нас же это уникальная возможность, подобных которой в ближайшие 20 лет не предвидится», – заявлял тогда эмир ¹². В результате катарцы владеют перерабатывающими заводами в Китае, модными домами во Франции, футбольными командами в Испании, курортами в Швейцарии, а катарские шейхи сидят в советах директоров ряда крупнейших европейских компаний и банков. Особенной популярностью у катарских бизнесменов, в силу исторических причин, пользуется Великобритания. Катар инвестирует во многие сферы, и прежде всего в сектор лондонской недвижимости (по словам катарского эмира, этот сектор может приболеть, но никогда не умрет) ¹³.

При этом катарские инвесторы в Европе вели себя крайне вежливо, без традиционного для ближневосточных принцев презрения к местным традициям. Эмиру было важно не только посадить европейские элиты на катарский инвестиционный крючок, но и сделать это с минимальным раздражением для жертв. Так, в июне 2009 года катарцы отказались от проекта строительства в лондонском «Челси Барракс» многоквартирного комплекса стоимостью 1 миллиард долларов. Причиной стало вмешательство в проект принца Чарльза, который потребовал изменить дизайн здания (принц известен как ярый противник современной архитектуры). «Как инвесторам нам нужно было, во-первых, избежать конфликта, а во-вто-

¹⁰ Э.О. Касаев. Россия – Катар. Идиллии нет. Институт Ближнего Востока. 17.01.2012 <http://www.iimes.ru/rus/stat/2012/17-01-12.htm>

¹¹ Pygmy with the punch of a giant. November 05, 2011. The Economist. <http://www.economist.com/node/21536659>

¹² Евгения Минеева. Как катарцы скупили пол-Лондона. Русская служба BBC. 16/06/2010 http://www.bbc.co.uk/russian/uk/2010/06/100616_qataris_own_london.shtml

¹³ Martin Dickson. Указ. соч.

рых, поступить так, как было бы лучше для нашей репутации в Великобритании», – объяснил эмир ¹⁴.

Имидж Катар как приличной страны поддерживался не только за счет вежливого поведения в Европе, но и благодаря внутренним реформам. Да, Катар являлся ваххабитским государством, однако эмир Хамад сделал его куда либеральнее, чем ряд других стран Залива. Катарская конституция стала первой в арабском мире, которая более-менее приравнивала права мужчин и женщин. Женщинам было позволено даже водить машину (несмотря на то что, по словам эмира, они – плохие водители и создают проблемы на дорогах ¹⁵). Символом эмансипации стала жена эмира Муза. Например, она первой из жен монархов Залива сняла паранджу (злые языки говорят, что не столько из-за либеральных взглядов, сколько из желания продемонстрировать миру свои дорогостоящие украшения) ¹⁶. Кроме того, эмир сделал невозможное – резко снизил традиционную для арабских стран коррупцию. В общемировом Индексе восприятия коррупции Transparency International Катар занимает довольно высокое место (в 2014 году – 26-е), а среди арабских стран – первое ¹⁷.

Решил Катар и проблему с возможной задержкой американской помощи в случае вторжения. В середине нулевых американские военные перебравшись из Саудовской Аравии на специально созданную в Катаре базу Эль-Удейд, которая стала одной из крупнейших американских баз США в мире. При этом сам эмир вложил в строительство этой базы 1 миллиард долларов. На сегодняшний день база Эль-Удейд оснащена самыми современными системами связи и управления, позволяющими осуществлять постоянную радиолокационную разведку всего региона. С ее помощью Вашингтон отслеживает все передвижения в двух водных артериях – Ормузском проливе и Персидском заливе. Ее критическая важность для американских интересов стала лучшей гарантией безопасности со стороны Вашингтона.

¹⁴ Там же.

¹⁵ Там же.

¹⁶ КАТАР – карлик с амбициями гиганта или мираж в пустыне? Часть 3. Институт Ближнего Востока. 20.01.2012 <http://www.iimes.ru/rus/stat/2012/20-01-12a.htm>

¹⁷ <http://www.transparency.org/research/cpi/overview>

Щит и меч эмира Хамада

Однако американских военных и вложенных в Европу денег Хамаду было недостаточно. Самые серьезные достижения его правления были в создании дипломатического щита и информационного меча.

«Щитом» был принципиальный курс Катара на стабильные отношения со всеми странами и силами региона. Так, эмир Хамад приложил колоссальные усилия для того, чтобы выстроить рабочие отношения со всеми странами и силами Ближнего Востока. В 1996 году он пригласил в страну израильскую торговую миссию, а дипломатический такт демонстрировал даже в отношениях с Ираном, которого страны Залива считают абсолютным врагом. Именно поэтому во время неудавшейся «Зеленой революции» в Иране в 2009 году Катар, в отличие от ряда других арабских монархий, не стал активно критиковать власти Исламской Республики за силовое подавление демонстраций. Премьер-министр эмирата назвал эти события «внутренним делом Ирана» и призвал уважать право каждого государства решать его собственные проблемы»¹⁸. Более того, в тот момент, когда американцы всерьез обсуждали вариант вторжения в Иран, катарцы заявили, что с их территории вторжение осуществляться не будет. «Согласно соглашению между нами и Соединенными Штатами им нужно наше разрешение (на использование базы для атаки на Иран), и мы его не дадим»¹⁹, – говорил эмир.

Естественно, такой внешнеполитической всеядностью Катара открыто возмущались многие его соседи и партнеры, прежде всего сами американцы. «Катар не может быть нашим союзником в понедельник и отправлять деньги боевикам ХАМАС во вторник», – жаловался глава комитета по международным делам сената США Джон Керри²⁰. Однако такой всеядный Катар был полезен американцам. Политика «сотрудничества со всеми» делала из эмирата отличного посредника, который имел возможность мирить нужные стороны в нужный момент. Например, именно в Дохе шли переговоры между талибами и США. Кроме того, в 2007 году эмир Хамад содействовал улучшению отношений между Дамаском и Парижем, в 2008 году посадил за стол переговоров противоборствующие силы в Ливане и убедил их провести президентские выборы. «Движение 14 марта, блок Харири думали, что мы поддерживаем «Хезболлу» (из-за того, что раньше у нас были некоторые сложности в отношениях с Саудовской Аравией). И когда они поняли, что это не так, они пришли к нам и мы решили их проблемы», – говорит катарский эмир²¹. Доха была посредником между йеменским президентом Али Салехом и хуситами в Йемене, между Хартумом и дарфурскими мятежниками, Джибути и Эритреей, между палестинскими группировками ФАТХ и ХАМАС. «Мы не занимаем ничью сторону в конфликтах – поэтому лидеры и просят нас о посредничестве в них», – объяснял дипломатические успехи эмирата в 2010 году Хамад бин Халифа²². И естественно, все страны региона хоть и ворчали, но ценили такого уважаемого посредника, опасаясь с ним ссориться и оказаться тем самым в дипломатической изоляции.

Еще одним важнейшим элементом стратегии выживания Катара в столь опасном и нестабильном регионе было получение полного контроля над информационным пространством Ближнего Востока. Эмир понимал, что в новом мире важно не само событие, а то, как это событие доносится до зрителей или читателей. Именно поэтому уже на следующий

¹⁸ Hugh Eakin. Указ. соч.

¹⁹ Martin Dickson. Указ. соч.

²⁰ Hugh Eakin. Указ. соч.

²¹ Martin Dickson. Указ. соч.

²² Там же.

год после своего прихода к власти Хамад бин Халифа создал информационный меч эмирата – международный канал «Аль-Джазира». Основной «фишкой» этого СМИ было сочетание новостей на арабском языке с западными стандартами журналистики. Именно поэтому «Аль-Джазира», например, стала первым арабским каналом, который стал рассматривать конфликты с обеих точек зрения. Она превратилась в платформу для выступлений всего спектра оппозиционных ближневосточных сил – как секулярных, так и религиозных (естественно, кроме катарских). Слово на канале давали даже представителям Израиля.

Далеко не всем нравилась неуважительная к местным традициям информационная политика эмира. В начале нулевых едва ли не каждая арабская страна была недовольна редакционной политикой «Аль-Джазире». В 2001 году саудовский кронпринц Абдулла говорил, что «Аль-Джазира» «позорит Совет по сотрудничеству стран Персидского залива, клеветает на членов Саудовской королевской фамилии, угрожает стабильности арабского мира и поддерживает терроризм»²³. В 2002 году «Аль-Джазира» ответила Эр-Рияду выпуском фильма об истории государств Залива, в котором основатель Саудовской Аравии – Абд аль-Азиз ас-Сауд – был подвергнут критике. В итоге Доха на 6 лет лишилась саудовского посла. Примеру саудовцев в свое время следовали Иордания, Кувейт, Ливия, Марокко, Тунис, Алжир, Египет, Иордания, Кувейт. Недовольны были и Соединенные Штаты, особенно после репортажей канала об их операциях в Ираке. По словам бригадного генерала армии США Марка Киммита, «канал, который показывает, как американцы намеренно убивают детей, не является легитимным источником новостей»²⁴.

«В какой-то момент они даже отказывались разговаривать со мной, – рассказывал потом эмир. – Но в конце концов поняли, что меня не переубедить»²⁵. В реальности же арабские и западные государства поняли, что информационного меча нужно бояться. Сочетание показной объективности, высокого профессионализма (костяк сотрудников канала составили бывшие сотрудники арабского подразделения ВВС) и непривычных для Ближнего Востока острых репортажей о событиях в арабских странах (включая и разоблачения среди арабских элит) очень быстро превратило телеканал в ведущую информационную силу на Ближнем Востоке. Неудивительно, что после окончания периода завоевания репутации власти Катара стали регулярно использовать «Аль-Джазире» как инструмент влияния на соседние страны. Например, для урегулирования приграничных конфликтов с Саудовской Аравией.

²³ Olivier Da Lage. The Politics of Al Jazeera or the Diplomacy of Doha. 2005 <http://odalage.wordpress.com/autres-publications/the-politics-of-al-jazeera-or-the-diplomacy-of-doha-in-»the-al-jazeera-phenomenon-critical-perspectives-on-new-arab-media»-pluto-press-ouvrage-collectif-coordonne-par-mohamed-zayani-20/>

²⁴ Anthony Loewenstein. Al Jazeera awakens the Arab world. June 09, 2004 <http://www.smh.com.au/articles/2004/06/09/1086749772562.html>.

²⁵ Martin Dickson. Указ. соч.

НОВЫЕ ВОЗМОЖНОСТИ

Комплексная политика эмира оказалась весьма успешной. Катарские инвесторы скупали активы по всему миру, катарские интересы учитывались всеми игроками в регионе (более того, ряд арабских стран ради получения катарских инвестиций и «хорошего имиджа» на «Аль-Джазире» сами шли на сближение с эмиром Хамадом), а катарские граждане жили припеваючи (10 % из них были миллионерами ²⁶). Однако после начала «Арабской весны» Хамад бин Халифа совершил ошибку, которая в итоге оказалась фатальной как для него, так и для эмирата. Он посчитал, что настало идеальное время сменить «стратегию выживания» на «стратегию доминирования», использовать беспорядки в арабском мире для формирования удобной для Катара конфигурации Ближневосточного региона.

Первой задачей стало свержение ведущих светских режимов Ближнего Востока – ливийского, египетского и сирийского. Лидеры этих государств были серьезной помехой на пути Катара к региональному доминированию.

Так, Египет – неформальный лидер арабского мира со времен правления Гамалы Абдель Насера – был настолько сильно недоволен чрезмерными амбициями Катара, что принципиально блокировал целый ряд инициатив эмирата в рамках Лиги арабских государств (ЛАГ). Сложными были и личные отношения обоих лидеров – президент Страны пирамид Хосни Мубарак попросту презирал эмира Хамада бин Халифа. Так, на последнем, «довесенном» саммите Лиги, проходившем в Дохе, Мубарак не выдержал и публично, в присутствии других арабских лидеров, раскритиковал желание хозяина саммита играть чрезмерно активную роль в арабских делах. «Ты ведешь себя, как будто стоишь во главе великой державы, хотя все население твоего Катара можно разместить в каирской гостинице “Рамзес Хилтон”», – заявил Мубарак эмиру ²⁷.

Личное оскорбление эмиру нанес и Муаммар Каддафи. В 2010 году на саммите ЛАГ в Сирте полковник (судя по всему, без особых задних мыслей, просто панибратски) обратился к эмиру со словами: «Брат мой, ты так разжирел, что напоминаешь бочку (игра слов – баррель нефти составляет порядка 160 литров, а вес больного диабетом эмира Катара тогда составлял около 160 кг) и уже не вмещаешь свой зад в шикарное золотое кресло» ²⁸. Эмир шутку не оценил.

Наконец, особые планы у Хамада бин Халифа были на еще одного лидера «насеристского лагеря» – Сирию. Тут сошлось несколько причин. В 2009 году Башар Асад отверг щедрое предложение эмира о превращении Сирии в транзитную страну для трубопроводного экспорта катарского газа в Европу. Для Катара проект был очень важным, особенно в свете обостряющейся ситуации вокруг Ирана. Не секрет, что сейчас практически весь экспортируемый эмиратом газ идет танкерами через Ормузский пролив, который а) Тегеран мог бы закрыть в любой момент и б) стал бы крайне опасным для навигации в случае ирано-американской или ирано-саудовской войны. Вместо этого в 2010 году Дамаск начал переговоры об аналогичном проекте с Ираном (который также не хочет зависеть ни от транзита через Ормузский пролив, ни от возможных поставок через Турцию). Стороны дошли до подписания меморандума о взаимопонимании. Ликвидация же режима Башара Асада (союзника

²⁶ Hugh Eakin. Указ. соч.

²⁷ КАТАР – карлик с амбициями гиганта или мираж в пустыне? Часть 5. Институт Ближнего Востока. <http://www.iimes.ru/rus/stat/2012/22-01-12b.htm>

²⁸ КАТАР – карлик с амбициями гиганта или мираж в пустыне? Часть 3. Институт Ближнего Востока. 20.01.2012 <http://www.iimes.ru/rus/stat/2012/20-01-12a.htm>

Тегерана) означала бы не только отказ от иранского трубопроводного проекта, но и в целом выход Сирии из орбиты чересчур усилившихся иранцев.

Хамад бин Халифа не просто собирался свергать неугодные режимы из мести или для реализации важных для эмирата инфраструктурных проектов. Уничтожение оплотов светского строя в регионе открыло бы путь для его исламизации, прихода к власти в этих странах умеренно-исламистских группировок, с которыми у эмира были налажены теснейшие отношения (в Дохе всегда находили убежище чеченские, ливийские, сирийские, тунисские, египетские исламисты). Основная ставка была сделана на ведущую исламистскую силу – «Братьев-мусульман». Приведя их к власти и используя собственный бездонный кошелек для подсаживания их на инвестиционную иглу, катарский эмир мог бы стать лидером всего Ближнего Востока.

Катар всемогущий

Выработав новую стратегию, эмир Хамад сразу же бросил все силы на ее реализацию. В результате в ходе первых лет «Весны» Катар стал самым активным внешним игроком, серым кардиналом всего Ближнего Востока.

Так, участие Катара в разжигании гражданской войны в Ливии ни у кого не вызывает сомнений. Сначала «Аль-Джазира» распространила информацию о столкновениях в Восточной Ливии (по мнению некоторых экспертов, серьезно завысив как число жертв, так и масштаб антиправительственных выступлений), а затем Катар вместе с Саудовской Аравией заставил ЛАГ принять резолюцию против Каддафи. Тем самым Лига нарушила пункт 8 своего устава, в котором говорится о необходимости уважения существующего государственного устройства во всех странах – членах ЛАГ, а также недопустимости любых действий, направленных на смену режимов в арабских государствах. Столь демонстративный отказ Лиги от солидарности с режимом Каддафи вкупе с враждебной позицией стран Залива и Европы, а также пассивностью Москвы (не готовой тогда выступить против единого арабско-европейского фронта) серьезно осложнил жизнь Брату-Лидеру.

Однако деятельность Катара по поддержке ливийской революции не ограничивалась лишь дипломатической и информационной сферой. Катар принял настолько деятельное участие в поддержке антиправительственных группировок, что в Доху как в Мекку ездили ливийские вожди и шейхи, которые пытались подороже продать свою поддержку. Эмир Хамад бин Халифа предоставил ливийским повстанцам сотни миллионов долларов, оказал техническую помощь в экспорте углеводородов с контролируемых ими месторождений, организовал обучение ополченцев в лагерях в районе Бенгази и гор Нафуса (к западу от Триполи) ²⁹. На катарские деньги покупалось стрелковое и тяжелое вооружение, а также западное участие в Ливийской кампании (ходят слухи, что катарские власти компенсировали членам европейской коалиции часть их военных расходов). Помимо денег, Катар помог ливийской революции своими солдатами. В конце октября 2011 года глава катарского Генштаба генерал-майор Хамад бин али аль-Атыйя признал, что катарские спецподразделения «осуществляли операции по обучению и связи» в Ливии ³⁰. Однако генерал недоговаривает – когда стало очевидно, что ополчения племен не в состоянии захватить Триполи, город брали подразделения катарского, английского и французского спецназов. Не случайно после взятия Баб-аль-Азизии – столичной резиденции Муаммара Каддафи – над ней какое-то время реял не только флаг повстанцев, но и флаг Катара.

После свержения Каддафи эмир Катара продолжил работать с лояльными полевыми командирами (не секрет, что один из лидеров ливийских повстанцев Мустафа Джаилиль прилетел на первую встречу «Друзей Ливии» в Париж на личном самолете катарского эмира), а также с местными исламистами. Они были и остаются проводниками катарских интересов на пространстве, которое раньше было Ливией.

Не менее активным было вовлечение Катара в сирийские дела. Эмир Хамад стал первым арабским лидером, который отозвал посла из Дамаска. На протяжении всего хода гражданской войны он активно финансирует сирийских боевиков, регулярно выступает с заявлениями о необходимости ввести в Сирию международный контингент для предотвращения убийств мирных жителей. По словам эмира Хамада, сказанным им в октябре 2012 года,

²⁹ Hugh Eakin. Указ. соч.

³⁰ David Kirkpatrick, Rick Gladstone. Libya's Interim Leader Asks NATO to Stay Through the End of 2011. The New York Times. October 26, 2011 http://www.nytimes.com/2011/10/27/world/middleeast/libya-leader-wants-nato-presence-through-2011.html?_r=1

«подобное вмешательство – гуманитарная, национальная, политическая и военная обязанность арабских стран, их долг, который они должны исполнить для прекращения кровопролития в Сирии»³¹. Благодаря активной позиции эмира Сирия попала в международную изоляцию. На саммите в Дохе в марте 2013 года ЛАГ окончательно отказалась от контактов с режимом Башара Асада и провозгласила Национальную коалицию оппозиционных и революционных сил единственным законным представителем сирийского народа «до того момента, пока не будут проведены выборы, по результатам которых будет сформировано правительство, которое возьмет на себя всю полноту власти»³². Представитель оппозиции занял место Сирии в ЛАГ, а уже на следующий месяц в Дохе открылось посольство НКОРС – оппозиционерам отдали на откуп здание бывшего сирийского диппредставительства.

Эмир Хамад также пытался изолировать сирийский режим от потенциальных союзников. Самым крупным успехом на этом направлении стала «переаренда» движения ХАМАС в 2012 году. Не секрет, что группировка находилась на содержании Ирана и получала от Исламской Республики 250–300 миллионов долларов в год – однако в 2011 году, по некоторым данным, из Тегерана не пришло ни цента³³ (не только из-за сложной экономической ситуации в Иране, но и по причине отказа движения открыто и полностью поддержать Башара Асада). В то же время, по некоторым данным, в 2007–2010 годах ежегодная катарская помощь ХАМАС составляла порядка 450 миллионов долларов³⁴. Неудивительно, что, когда эмир (а точнее, курировавший операцию его наследник, принц Тамим) сделал предложение стать эксклюзивным спонсором, Халед Машаль и все политбюро в полном составе переехали из Дамаска в Доху. «Мы практически все покинули Сирию, потому что там мы не могли делать свою работу», – заявил его заместитель Абу Марзук³⁵. Сразу же после переезда он и другие лидеры ХАМАС стали говорить о поддержке «сирийского народа». «Я приветствую все народы «арабской весны» или «исламской зимы», и я приветствую героический сирийский народ, который борется за свободу, демократию и реформы», – заявил Исмаил Хания, выступавший в одной из каирских мечетей³⁶. Целью эмира было привести к власти в стране местных исламистов. В мае 2012 года, уже в разгар вооруженного противостояния, Дамаск посетила высокопоставленная катарская делегация, предложившая Башару Асаду прекратить поддержку вооруженного сопротивления, если президент Сирии согласится на создание коалиционного правительства с премьер-министром из «Братьев-мусульман»³⁷. Президент, понятное дело, отказался.

Участие эмирата в египетских делах было менее прямым и поначалу ограничивалось лишь информационным давлением в виде эмоциональных репортажей «Аль-Джазиры». В Египте даже придумали анекдоты на эту тему. Например, такой: встретились в аду три бывших президента Египта – Гамаль Абдель Насер, Анвар Садат и Хосни Мубарак – и спрашивают друг друга о причинах их гибели. «Яд», – говорит Насер, «Убийство», – говорит Садат. «Аль-Джазира», – вздыхает Мубарак.

К активным действиям эмир перешел уже после отставки Мубарака, и его целью было привести к власти в Египте местных «Братьев-мусульман» (в Египте они называются «Ихван»). На них у эмира неограниченное влияние благодаря тому, что в Дохе давно сидит

³¹ <http://www.iimes.ru/?p=15669#more-15669>

³² <http://www.iimes.ru/?p=17151>

³³ <http://el-murid.livejournal.com/456080.html#cutid1>

³⁴ КАТАР – карлик с амбициями гиганта или мираж в пустыне? Часть 2. Институт Ближнего Востока. 19.01.2012 <http://www.iimes.ru/rus/stat/2012/19-01-12a.htm>

³⁵ Политбюро ХАМАС переехало из Сирии в Египет и Катар. BBC. 28 февраля 2012 http://www.bbc.co.uk/russian/international/2012/02/120228_hamas_leaves_syria.shtml

³⁶ Там же.

³⁷ <http://www.iimes.ru/?p=20224>

Юсуф аль-Кардауи – духовный лидер этой группировки, чьи фетвы идут в рамках политической линии катарского МИД (например, шейх поддерживал «народные революции» во всех арабских странах, кроме Бахрейна, где он назвал ненужную Катару шиитскую революцию «не народной, а сектантской»). Накачка «Ихван» катарскими деньгами помогла «Братьям» выиграть выборы в Египте, а Катару – получить контроль за крупнейшей страной арабского мира.

Зарвался

В какой-то момент казалось, что эмир Хамад бин Халифа победил, что до регионального доминирования уже рукой подать. При эмире ВВП страны вырос с 8 миллиардов долларов в 1995 году до чуть менее 200 миллиардов в 2014-м ³⁸, а зона контроля простиралась от Туниса до Йемена. Однако это был лишь мираж, головокружение от успехов. Перейдя от «стратегии выживания» к «стратегии доминирования», Катар нарушил слишком много балансов и пересек множество запретных линий. В итоге из страны, имеющей хорошие отношения со всеми, он превратился в страну, которую все захотели поставить на место.

Во-первых, коллективный Запад. В США и Европе поняли, что в Египте, и особенно в Ливии, эмир их попросту кинул, ведь планировалось, что в операциях по смещению Каддафи и Мубарака Катар сыграет вспомогательную роль и получит соответственно небольшие дивиденды. Европа и США ввязывались в обе эти авантюры не только по экономическим причинам, но и ради смены местных диктаторских режимов на либеральные и рукопожатные, ради реинкарнации старого проекта «Большого Ближнего Востока». На создание основы для будущего либерального режима в том же Египте – среднего класса – были потрачены годы усилий и миллионы долларов. Итог – унижительное поражение светской оппозиции на парламентских выборах, поражение на президентских и приход к власти политической силы, которая не вписывается в западную картинку «свободного и современного Египта». А проникновение катарского капитала в ливийский газовый сектор вызвало возмущение французов, которым повстанцами была обещана львиная часть этого сектора в обмен на выступление против Каддафи.

Однако самые серьезные проблемы Катару создали его соседи по Заливу, и прежде всего Саудовская Аравия. Отношения между двумя монархиями всегда были сложными, как на личностном, так и на идеологическом уровне. Вплоть до «традиционной конкуренции двух стран за право называться истинными ваххабитами. Катарская династия считает себя прямым потомком ибн-Ваххаба, тогда как саудиты, по мнению катарцев, – «мелкопоместные» провинциальные шейхи, которые просто договорились с улемами из родственных ибн-Ваххабу семей», – говорит президент Института Ближнего Востока Евгений Сатановский. Долгое время дом Саудов терпел катарские авантюры, однако в какой-то момент наступил предел терпению. И не только потому, что Катар стал претендовать на позиции соседей в странах Магриба. Эр-Рияд был крайне обеспокоен течением «Арабской весны», приходом к власти в странах враждебных дому Саудов «Братьев-мусульман» и критикой «Аль-Джазиры». Саудовцы опасались, что вирус «Арабской весны» перекинется и на их территорию и что это даст повод другим государствам вмешиваться во внутренние дела королевства. «Если чьи-то грязные иностранные пальцы будут лезть в наши дела, то мы их просто поотрубам», – отвечал министр иностранных дел Саудовской Аравии относительно международной критики жесткого подавления шиитских выступлений в Восточной провинции королевства ³⁹.

Не работал не только дипломатический щит, но и информационный меч. Серия весьма спорных репортажей «Аль-Джазиры» в ходе ливийской и сирийской гражданских войн, а также событий в Египте резко снизили доверие к телеканалу, а значит, и возможности эмира использовать свое детище для давления на соседей. Ее разоблачений уже не так сильно боя-

³⁸ <https://www.cia.gov/library/publications/resources/the-world-factbook/geos/qa.html>

³⁹ КАТАР – карлик с амбициями гиганта или мираж в пустыне? Часть 6. Институт Ближнего Востока. 25.02.2012 <http://www.iimes.ru/rus/stat/2012/25-01-12a.htm>

лись, ведь «Аль-Джазира» стала ассоциироваться не с объективностью и профессионализмом, а с предвзятостью и фальсификациями.

Проблемы возникли не только извне эмирата, но и изнутри. Глобальные амбиции эмира требовали серьезных финансовых вложений (на помощь дружественным режимам, вооружение боевикам и т.п.) и вели к огромным инвестиционным потерям (по некоторым данным, катарские фонды вложили в сирийскую экономику порядка 8,5 миллиарда долларов ⁴⁰), что категорически не нравилось части катарских элит. В результате в обществе произошел раскол, и недовольных, по некоторым слухам, возглавил всемогущий на тот момент премьер Хамад бин Джасsem. Он был сторонником (а некоторые говорят, что и архитектором) осторожных, внятных и долгосрочных методов «стратегии выживания» и оппонировал акциям типа признания Сирийского национального совета и поставок оружия сирийским боевикам, да и общему нагнетанию напряжения возле границ эмирата. Он понимал, что в случае большой войны в регионе, которая вполне может быть вызвана авантюрными действиями кузена, экономика эмирата, по расчетам аналитиков, встанет уже через 8–10 часов ⁴¹. А значит, встанет и его бизнес – капитал премьера составлял, по разным оценкам, от 15 до 20 миллиардов долларов, был больше, чем у эмира ⁴².

Неудивительно, что сразу же поползли слухи о возможном альянсе недовольной катарской элиты и премьера с одной стороны и Саудовской Аравии – с другой. Говорили даже о возможном перевороте (от которого гарантии Вашингтона эмира бы не спасли – смена власти в Катаре не угрожает базе Эль-Удейд). Да, Хамад бин Джасsem хоть и относится к династии аль-Тани, но на престол претендовать не может – однако никто не мешал ему выдвинуть «технического» претендента из тех, кто имеет право претендовать на престол. Который будет больше походить на эмира Халифа, нежели чем на эмира Хамада.

⁴⁰ Там же.

⁴¹ П.П. Львов. Катар – карлик с амбициями гиганта или просто мираж в Аравийской пустыне? Институт Ближнего Востока. 18.01.2012 <http://www.iimes.ru/rus/stat/2012/18-01-12b.htm>

⁴² Там же.

Переход под ковер

Серьезное внутреннее и внешнее давление вынудило катарские власти совершить династическую рокировку. 25 июня, не досидев два дня до 18-й годовщины своего вступления на трон, архитектор катарского политического чуда и одновременный виновник его ликвидации – эмир Хамад бин Халифа – отрекся от престола под предлогом плохого здоровья (у монарха действительно диабет в тяжелой форме). Его наследником стал сын от второй жены (любимой, эффектной и властной Музы) – Тамим бин Халифа.

По сути, рокировка была лишь формальная – сын полностью поддерживал политику отца в отношении ближневосточных революций, и даже отвечал за некоторые ее сегменты (сирийскую кампанию, а также операцию по переаренде ХАМАС). Сам эмир еще в 2010 году говорил, что страной на 85 % управляет кронпринц ⁴³. Однако эта рокировка позволяла не только попытаться обнулить негативные отношения с соседями, но и избавиться от опасного окружения под предлогом обновления власти.

Избавиться удалось – к облегчению отца и радости мамы (шейха Муза не забыла, как премьер был первым в ряду тех, кто критиковал ее в 2002 году за снятие паранджи). Тамим отправил в отставку Хамада бин Джассема. Его лишили контроля за государственными активами и фондами. А вот с обнулением не вышло. Перемена мест слагаемых соседей не убедила, и они продолжили курс на конфликт с чересчур амбициозным Катаром. Менее чем через 10 дней после вступления на трон эмира Тамима по его интересам был нанесен сокрушительный удар – египетские военные в противоестественном союзе с Саудовской Аравией свергли режим «Братьев-мусульман». Все финансовые и имиджевые инвестиции в египетскую революцию пошли верблюду под хвост. «Сверхбогатый эмират Залива вкачал миллиарды долларов в правительство «Братьев-мусульман» (за год нахождения у власти Мурси Катар выделил Египту 7,5 миллиарда долларов ⁴⁴. – Г.М.), после чего вынужден был смотреть, как военные буквально за ночь свергли это правительство», – пишет вице-президент американского Фонда защиты демократий Джонатан Шанцер ⁴⁵. Да, египтяне вернули катарцам кредиты, которые те выдавали, но это было преподнесено как демонстративное унижение и поражение – деньги на досрочное погашение долга демонстративно предоставила Саудовская Аравия.

КСА стало, по сути, главным инициатором и проводником кампании по постановке Катара на его место. Эр-Рияд демонстративно отказывался признавать право эмирата на какие-то интересы в Ближневосточном регионе. В июле 2013 года тогдашний всесильный руководитель Управления общей разведки КСА принц Бандар бин Султан заявил, что «один телеканал и 300 человек еще не создают государство» ⁴⁶. 22 ноября 2013 года Эр-Рияд официально попросил Доху «воздержаться от поддержки элементов, ведущих подрывную деятельность против арабских государств» ⁴⁷.

Катар сопротивлялся всеми способами – вплоть до начала переговоров с Тегераном, а также подковерными играми против Саудовской Аравии. «Фактически именно Катар «слил» Вашингтону чувствительную информацию по Бостонскому теракту и ряду аспектов антиамериканской деятельности принца Турки бен Фейсала и его родственника, принца Бандара бин Султана, – руководителей Управления общей разведки КСА. Катарцы дали эту инфор-

⁴³ Martin Dickson. Указ. соч.

⁴⁴ <http://www.iimes.ru/?p=19405>

⁴⁵ <http://www.defenddemocracy.org/media-hit/how-saudi-arabia-and-qatar-are-the-tortoise-and-the-hare-of-the-middle-east/>

⁴⁶ <http://www.iimes.ru/?p=20224>

⁴⁷ Там же.

мацию группе «саудоскептиков» в Пентагоне и ЦРУ, которая в свою очередь сильно надавила на Обаму. В итоге охлаждение американо-саудовских отношений было колоссальным, уровень доверия директора ЦРУ к начальнику внешней разведки управления общей разведки принцу Бандару бин Султану достиг нуля», – говорит Евгений Сатановский. В результате всесильный принц Бандар бин Султан заменен на фигуру, более близкую к директорату ЦРУ, – принца Мухаммеда бин Найефа.

Ультиматум и спасение

Однако в марте 2014 года наступил катарсис. 5 марта 2014 года от имени стран Залива принц Сауд аль-Фейсал пригрозил Дохе тотальной изоляцией, вплоть до экономического эмбарго. Он передал молодому эмиру три условия, исполнение которых может привести к прощению эмирата: 1) прервать все связи с «Братьями-мусульманами»; 2) выдворить из страны всех иностранцев, обвиняемых в террористической и экстремистской деятельности, в государства, которые требуют их выдачи; 3) закрыть канал «Аль-Джазира» и региональные представительства двух американских аналитических центров: Брукингского института и RAND Corporation, занимавшихся критикой стран Залива. В результате долгих и кропотливых переговоров с участием папы и мамы эмира Катар принял часть условий и в апреле 2014 года пошел с соседями на мировую. Эмират пообещал прекратить поддержку «Братьев-мусульман», а КСА – не блокировать Катар и не поддерживать активизировавшегося Хамада бин Джассема. Были также достигнуты договоренности с просаудовским президентом Ас-Сиси. После того как в конце декабря 2014 года «Аль-Джазира» закрыла принадлежащий ей спутниковый канал в Египте (занимавшийся критикой новых властей этой страны), начался процесс египетско-катарского примирения. Ас-Сиси начал освобождать из тюрем корреспондентов «Аль-Джазире», задержанных в 2014 году.

Правда, процесс продлился недолго. Интересы двух стран столкнулись в Ливии, где Катар поддерживал исламистскую коалицию «Аль-Фаджр» («Рассвет Ливии»), а Египет – правительство в Тобруке и генерала Хафтара. Эмират отказывался сдавать свои позиции в бывшей Джамахирии и в ответ на усиление поддержки египтянами генерала Хафтара перебросил из Сирии «работавших» там ливийских боевиков на родину. Более того, ответом Египту называют и показательную казнь в Ливии 21 египетского христианина в начале 2015 года, а также начавшуюся там охоту за египтянами. Каир прямо обвинил катарцев в поддержке террористов, и эксперты говорили о возможном вводе египетских сил в Ливию для отстрела прокатарских исламистов, однако вторжение в итоге не состоялось.

Казалось, Катару должно влететь за «нарушение конвенции», однако «вынос тела» не состоялся. Саудовская Аравия промолчала. Спасение эмирата пришло из Сирии, где необходимо было консолидировать все силы для максимально быстрого свержения Башара Асада. 8 июля 2015 года состоялся саммит эмира и короля, на котором стороны согласовали все спорные вопросы. Сдерживание Ирана в Леванте для Эр-Рияда оказалось куда более важным, чем наказание уже потерявшего ряд своих зубов Катара. По крайней мере, в данный конкретный момент.

Активное участие в Сирии (прежде всего через спонсирование ИГИЛ) стало своего рода прикрытием для эмирата, позволило ему защищать свои позиции в регионе и наказывать врагов. Но цена за поддержание «сирийского щита» была высока – эмират фактически вынужден был полностью отказаться от «дипломатического щита», то есть от тесных отношений с западными странами. «Благодаря» ИГИЛ, превратившемуся в ИГ, из-под этих отношений была выбита имиджевая составляющая. Расползание ИГ по региону и серия терактов против западных стран сделали его в западном понимании абсолютным злом. Естественно, связанный с ней Катар автоматически становился частью этого зла. В результате под угрозой оказались имиджевые проекты. Так, упоминание о Катаре исчезнет с футболок «Барсы». «Контракт с Qatar Airways истекает в 2016 году, и на этом наше сотрудничество закончится. Мы следим за развитием ситуации в Катаре, которая изменилась за последние четыре года. Появились социальные и политические аспекты, которых не было, когда мы подписывали контракт», – заявил в январе 2015 года президент клуба Хосеп Мария Барто-

меу⁴⁸. Кроме того, эмират могут лишить права проведения чемпионата мира по футболу. Чиновники ФИФА до сих пор не могут толком объяснить, зачем на территории крошечного полуострова с населением 1,7 миллиона человек нужно 12 стадионов общей вместимостью 607 тысяч человек⁴⁹ (эмир Хамад, правда, обещает, что после чемпионата часть стадионов разберут и отправят в бедные страны⁵⁰), а также как будет проводиться чемпионат летом в одной из самых жарких стран мира.

⁴⁸ <http://sport.rbc.ru/article/248660/>

⁴⁹ Чемпионат мира по футболу 2022 http://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%A7%D0%B5%D0%BC%D0%BF%D0%B8%D0%BE%D0%BD%D0%B0%D1%82_%D0%BC%D0%B8%D1%80%D0%B0_%D0%BF%D0%BE_%D1%84%D1%83%D1%82%D0%B1%D0%BE%D0%BB%D1%83_2022

⁵⁰ Martin Dickson. Указ. соч.

Москва помешала

Но самое неприятное в том, что у эмирата резко испортились отношения с американцами. Если на ИГИЛ они закрывали глаза, то ИГ, прямо угрожающее союзникам США в регионе, воспринимается ими как серьезная угроза. Отношения резко испортились (отчасти благодаря и влиянию Эр-Рияда на конгресс – КСА выгоден американо-катарский конфликт), и в феврале 2015 года все правительство Катара поехало в Вашингтон их восстанавливать. В авторской статье, опубликованной в *New York Times*, эмир Тамим напомнил, что Катар является «островком стабильности в море беспорядка»⁵¹. Он также дал понять, что для стабилизации Ближнего Востока и наведения там элементарного порядка Вашингтону нужно будет не ссориться с уважаемыми странами региона, а сотрудничать с ними. «Для того чтобы решить проблему терроризма, политические лидеры всего мира должны найти в себе смелость выработать плюралистические, инклюзивные, учитывающие интересы всех центров силы решения региональных диспутов. А также привлечь к ответственности тиранов», – говорит эмир Тамим⁵². В ответ на уважение интересов Катар давал понять, что готов решить для не готовых к вторжению в Сирию американцев проблему свержения режима Асада. Более того, эмир намекнул на готовность своей страны поучаствовать в стабилизации всего Ближнего Востока, давно являющегося головной болью для американцев. «Многие на Западе уверяют, что причины терроризма кроются в исламе. Как мусульманин, я могу сказать, что проблема не в исламе, а в отсутствии надежды», – говорит Тамим бин Хамад и приводит в пример ситуацию в лагерях беженцев и разорванных гражданской войной странах региона⁵³.

Возможно, план эмира по задабриванию Саудовской Аравии и Соединенных Штатов сработал бы, если бы 30 сентября 2015 года не началась операция российских ВКС в Сирии. После этого пункт о свержении Башара Асада исчез с повестки дня. Вместо него актуальным оказался вопрос о дальнейшей целесообразности саудовско-катарской конвенции, а также вопрос о дальнейшем нахождении у власти ряда представителей катарской элиты. «В Сирии мы наступили на самое больное место организма – на интересы главы МИД Катара, которое лично курирует сирийскую гражданскую войну. Это Халед аль-Атыйя. Он Катаром управляет. Были многомиллиардные вложения в свержение Асада, в прокладку «трубы» на Турцию. Но многолетний проект, когда все уже согласовали, разделили секторы атак, может рухнуть из-за российских ВКС. Рухнуть на пороге победы. А это означает крушение карьеры Халеда аль-Атыйя. Клан аль-Атыйя богатый, влиятельный, но есть и другие», – говорит Евгений Сатановский⁵⁴.

Ситуацию для эмира, безусловно, обострили и теракты в Париже. Создание антитеррористической коалиции стало основным вопросом международной повестки дня, и все больше мировых лидеров говорят о том, что в эту коалицию не должны входить страны – спонсоры терроризма. Основной из которых является Катар.

Непонятно, каким образом эмират будет выходить из сложившейся ситуации. Возможно, придется искать новые нетрадиционные способы обеспечения собственной безопасности.

⁵¹ http://www.nytimes.com/2015/02/24/opinion/qatars-message-to-obama.html?_r=0

⁵² Там же.

⁵³ Там же.

⁵⁴ <http://svpressa.ru/war21/article/135996/>

Глава 2

Королевство Саудовская Аравия: умирающий волк

Когда вождь стаи промахивается, его зовут Мертвым Волком, хотя он еще жив, потому что жить ему уже остается недолго. Эта фраза из «Книги Джунглей» четко описывает нынешнее состояние Королевства Саудовская Аравия. По крайней мере, ее внешней политики.

Королевство двух святынь уже давно является одной из наиболее деструктивных сил в регионе. Государство – спонсор терроризма, проводник салафитских идей и религиозной нетерпимости, Саудовская Аравия во многом ответственна за то, что «арабская весна» в итоге переросла в «исламистскую зиму». Однако в последнее время у саудовских планов сбился прицел – Эр-Рияд стал совершать слишком много ошибок, которые наделали ему слишком много врагов.

Во многом эти ошибки связаны с детерминизмом саудовской внешней политики. Вся она сейчас, по сути, построена на противостоянии Ирану и поэтому зачастую лишена гибкости. Так, КСА стимулировало гражданскую войну в Сирии для того, чтобы выбить ее из-под Ирана или как минимум устроить Тегерану войну на периферии. Надежды на блицкриг не оправдались, а включение России в Сирийскую кампанию сделало реализацию начальных саудовских целей вообще невозможной. Однако Эр-Рияд попросту не смог изменить свой подход к сирийскому вопросу и поучаствовать в конструктивных переговорах по будущему в Сирии, тем самым застолбив за собой хотя бы долю влияния на эту страну. «Для Эр-Рияда вопрос Асада обладает изрядной долей символизма. Провал саудовской «дипломатии» в Сирии будет расценен в арабском мире как стратегическое поражение Эр-Рияда и поставит под сомнение способность КСА выступать «гарантом» противодействия иранской экспансии в регионе», – поясняет мотивы КСА арабист, преподаватель ВШЭ Леонид Исаев. В итоге настойчивые действия королевства по дестабилизации Сирии расстроили все высокие договаривающиеся стороны – Иран, США и Россию. Как и ряд других направлений саудовской внешней политики, отличающихся косностью и радикализмом. Америке больше не нужен хаотичный Ближний Восток, на создание которого направлена саудовская политика, а некоторые эксперты говорят и о том, что Вашингтону не нужна такая Саудовская Аравия.

Как бы то ни было, подход к Саудовской Аравии в мире изменился. Причем не только в странах Персидского залива (которые все чаще посматривают в сторону более сильного, стабильного и конструктивного Ирана), но и на Западе. Если раньше желающие получать саудовские деньги государства старались не замечать мракобесного характера ваххабитского саудовского режима, то сейчас КСА начинают откровенно кошмарить в западных СМИ. Причем для этого не нужно ничего выдумывать – достаточно просто писать правду о том, что происходит в королевстве двух святынь, ведь по сравнению с ней асадовская Сирия является образцом демократии. «Ни одна другая страна не захочет отрубить голову молодому человеку, а потом распять его тело вверх ногами лишь за то, что он является племянником шиитского религиозного лидера. Ни одна другая страна не приговорит к тысяче ударов кнутом за пост в блоге на тему существования Бога. Ни одна другая страна не приговорит известного поэта к смертному приговору по обвинению в атеизме, – пишет в редакционной статье британская The Guardian. – Многие из зверств, которые в ИГ совершают ради их эффектности, для Саудовской Аравии являются повседневной рутинной»⁵⁵.

⁵⁵ <http://www.theguardian.com/commentisfree/2015/nov/29/the-guardian-view-on-saudi-arabia-cruel-violent-punishments-wont-bring-security>

Саудовские воспитатели

В начале «Арабской весны» казалось, что Саудовская Аравия наконец-то добилась своей основной цели – стать самым могущественным государством Ближнего Востока. Ей удалось сокрушить или ослабить своих конкурентов, среди которых был прежде всего слишком много возомнивший о себе Катар. На первых порах удалось даже нанести чувствительные удары по традиционному врагу – Ирану.

Сделать это стандартными методами давления было непросто – с традиционной точки зрения стартовые позиции Эр-Рияда в битве за лидерство были не такие уж и сильные. У Саудовской Аравии не было армии уровня турецкой или политического авторитета наподобие египетского. Не было, по сути, даже исторической легитимности – шейхи стран Залива, чьи династии (по их мнению) восходят к династии Омейядов, всегда воспринимали ас-Саудов как выскочек. А кое-кто мог периодически напоминать, что основатель королевства, Абд аль-Азиз ас-Сауд, в свое время выгнал из Мекки и Медины не абы кого, а потомков пророка Мухаммеда – управляющую регионом династию Хашимитов (которая сейчас руководит Иорданией).

По сути, у династии Саудов было лишь два инструмента – огромные сверхдоходы от торговли нефтью и религиозный авторитет за счет контроля двух из трех наиболее важных святынь исламского мира (Мечети аль-Харам в Мекке и Мечети Пророка в Медине – вне контроля королевства двух святынь оставалась лишь Мечеть Аль-Акса в Иерусалиме). И, поддерживая деньгами свою идеологию – ваххабизм, Саудовская Аравия начала распространять ее и иные радикальные салафитские версии ислама по региону, прекрасно понимая, что для контроля за другой страной нужно лишь воспитать ее население. В результате, по словам одного из ведущих американских журналистов Томаса Фридмана, Саудовская Аравия с 70-х годов тратила «миллиарды и миллиарды долларов на то, чтобы уничтожить плюрализм в исламе (его суфистские, умеренные суннитские и шиитские вариации) – и насадить везде пуританскую, антизападную, антиженскую, антиплюралистическую... салафитскую версию ислама, которую продвигал саудовский религиозный истеблишмент»⁵⁶. «Саудовцы вложили в пропаганду своего типа салафитского ислама больше, чем мы в советские времена в пропаганду социалистических идей», – говорит президент Института Ближнего Востока Евгений Сатановский⁵⁷.

Однако не только в Эр-Рияде стремились к идеологическому господству в регионе. Для достижения лидерства саудовцам нужно было сокрушить как минимум три другие идеологии – либерализм (который насаждал Запад), насеризм (получивший название в честь президента Египта Гамалы Абдель Насера арабский национализм с социалистической спецификой), который был оплотом для светских авторитарных режимов, а также наиболее живучую умеренную форму ислама – ихванизм в лице межарабской группировки «Братья-мусульмане» (от слова «Ихван», которым называют «Братьев» в арабских странах).

С первым врагом даже напрягаться особо не пришлось – арабское общество еще не готово в цивилизационном плане к либерально-демократической модели развития. В нем слишком сильны патерналистские и консервативные традиции и слишком слабо уважение к правам личности (если, конечно, эта личность – не представитель элиты). Со вторым оказалось немного сложнее – долгое время светские режимы Египта, Ливии и Сирии успешно противостояли саудовской идеологической экспансии (в том числе через регуляр-

⁵⁶ http://www.nytimes.com/2015/09/02/opinion/thomas-friedman-our-radical-islamic-bff-saudi-arabia.html?ref=opinion&_r=0

⁵⁷ <http://svpressa.ru/war21/article/135996/>

ные отстрелы радикальных проповедников на своих землях). Более того, они пытались привить арабский национализм и в Саудовской Аравии⁵⁸. Однако к началу XXI века эти режимы с идеологической точки зрения резко просели. Светские авторитарные режимы, по сути, уже изжили себя, поскольку не могли предложить населению ни эффективной модели социально-экономического развития, ни какой-нибудь привлекательной цели для сопричастности к государству (лозунг «давайте вместе уничтожим сионистское образование» не был эксклюзивным для светских режимов, поскольку эксплуатировался всеми, кому не лень, на Ближнем Востоке). И ветры «Арабской весны» смели их.

А вот с третьим конкурентом – ихванизмом – пришлось повозиться. Он был не только в разы живучее либерализма и насеризма, но и гораздо опаснее для самой Саудовской Аравии, поскольку конкурировал с ее видением ислама. «Его главная идея – освоение мусульманами достижений современного индустриального общества, не только технологических, но и институциональных, и постановка их на службу своим целям и ценностям. «Исламизация модерна» как альтернатива и одновременно способ модернизации ислама», – разъясняет смысл ихванизма директор исследовательских программ Фонда Марджани Игорь Алексеев⁵⁹. По его словам, ихванизм пропагандирует общеисламское единство, которое «имеет безусловный приоритет перед религиозно-догматическими разногласиями, а его следствием является воздержание от крайних позиций и крайних действий как во внутри-, так и в межконфессиональных отношениях». И эта толерантность вкупе с модернизмом (в том числе и политическим) полностью противоречила как царящему в Саудовской Аравии ваххабизму (пропагандирующему ненависть ко всем инакомыслящим), так и видению королевством двух святынь будущего пространства Ближнего Востока.

Поскольку основным спонсором ихванизма в последние годы стал Катар (что интересно, тоже ваххабитское государство), который использовал его как инструмент для лидерства в исламском мире, весь мир несколько лет наблюдал мощнейший саудовско-катарский конфликт за влияние в третьих странах. И не только арабских. Так, по словам Евгения Сатановского, саудовцы строили в Эфиопии крупные инфраструктурные объекты и параллельно с этим накачивали салафитские группировки в Огадене, недалеко от сомалийской границы (этот регион, в отличие от большей части остальной Эфиопии, населен сомалийскими мусульманами и всегда считался сепаратистским). Узнав об этом, эфиопское правительство запретило саудовцам заниматься там религиозной пропагандой. В знак протеста саудовцы в ответ свернули экономические проекты и ушли из страны – однако на их место тут же пришли катарцы, которым Эфиопия разрешила заниматься пропагандой их мягкого политического ислама.

⁵⁸ B. Haykel. Saudi Arabia vs The Arab Spring. Project Syndicate. 16.08.2011 <http://www.project-syndicate.org/commentary/haykel4/English>

⁵⁹ <http://expert.ru/expert/2012/31/tretya-arabskaya-volna/>

Черепаша обошла зайца

Однако в конечном итоге Катар был сокрушен – крошечный эмират оказался физически и экономически не готов к затяжному противостоянию с Саудовской Аравией. «В ближневосточной версии притчи о черепахе и зайце саудовцы восстановили региональное влияние, тогда как амбициозные катарцы перенапряглись и выдохлись», – пишет вице-президент американского Фонда защиты демократий Джонатан Шанцер ⁶⁰. Символом окончательного поражения Катара стала победа Саудовской Аравии на египетском фронте.

Египет был ценнейшим призом Катара, полученным в ходе «Арабской весны». Взяв ее под контроль через местных «Братьев-мусульман», Катар получил для продвижения своей идеологии ресурсы самой мощной страны арабского мира. Для Эр-Рияда это было абсолютно неприемлемо и даже порождало у саудовской элиты неприятное чувство дежавю. Примерно полвека назад они это уже проходили – придя к власти в Египте со своей инновационной в то время концепцией арабского национализма, Гамаль Абдель Насер мечтал распространить эту идеологию в том числе и в Саудовскую Аравию, и едва не преуспел. Повторять опыт не хотелось, и КСА стало работать на контрреволюцию. Поначалу им ничего не удавалось – подконтрольные Эр-Рияду салафиты с ходу не смогли отнять власть у «Братьев-мусульман». Тогда было решено делать упор не на исламистские, а на светские силы. И когда «Ихван» начал колебаться под тяжестью социально-экономических проблем, КСА заключило альянс с египетскими военными и поддержало их приход к власти (в том числе и финансово – через предоставление миллиардных инвестиций). В итоге сейчас Египет находится в тесной привязке к Саудовской Аравии и как минимум не перечит ей на международной арене.

Египетская катастрофа и публичная капитуляция Катара (выразившаяся в добровольной отставке с поста главы государства эмира Хамада – архитектора катарского плана по достижению регионального лидерства) нанесли сокрушительный удар по «Ихвану». 12 марта 2014 года КСА, ОАЭ, Египет и Бахрейн подписали в Эр-Рияде секретное соглашение о совместной борьбе против «Братьев-мусульман». Эта борьба подразумевает юридическое преследование членов организации на территории подписантов, а также действия по линии спецслужб по всему миру ⁶¹. Участники египетского «Ихвана», скрывающиеся на территории подписантов, должны были быть немедленно депортированы в Египет, где их ждала тюрьма и казнь. Однако, нанеся «Ихвану» серьезный, даже критический удар, саудовцы, как ни странно на первый взгляд это звучит, протянули «Братьям» руку помощи, предложили поддержку в обмен на полную лояльность и активные действия в Сирии против Башара Асада. Однако это логично и полностью вписывается в ближневосточную логику – сдерживание Ирана стало приоритетной задачей королевства, ради которой можно было и войти в альянсы с кобрами, у которых вырваны зубы.

Именно Иран – мощнейшая с экономической и демографической точки зрения страна региона – воспринимался и воспринимается Саудовской Аравией как основная угроза ее лидерству на Ближнем Востоке. Для саудовских ваххабитов иранские шииты – абсолютный, исторический, экзистенциальный враг, взять которого под контроль нельзя. Его можно только уничтожить.

До тех пор, пока этот враг сдерживался Ираком на западе и Афганистаном на востоке, уничтожение можно было и отложить на потом. Однако ликвидация американцами этих двух барьеров в начале нулевых позволила иранскому влиянию резко выплеснуться на Ближний

⁶⁰ <http://www.defenddemocracy.org/media-hit/how-saudi-arabia-and-qatar-are-the-tortoise-and-the-hare-of-the-middle-east/>

⁶¹ <http://www.iimes.ru/?p=20347>

Восток. Тегеран наступал по всем фронтам: взял под контроль значительную часть Ирака, укрепил позиции проиранских элементов в Йемене, через дочернюю иранскую структуру – «Хезболлу» – укрепил влияние в Ливане, а президент Ахмадинежад благодаря антиамериканским лозунгам стал для арабской улицы куда более авторитетным лидером, чем саудовский король Абдалла. Эр-Рияд опасался, что рост могущества Ирана позволит Исламской Республике в дальнейшем более эффективно опираться на шиитское население стран Залива и даже самой Саудовской Аравии для того, чтобы защищать там свои интересы. Более того, опыт того же Ирака показал, что в случае прихода шиитов к власти в стране, где они составляют большинство, Иран может попытаться выбить из их рядов своих противников и через какое-то время взять общину под свой контроль, а через них – и все государство. И первый серьезный опыт сдерживания оказался успешным – Саудовская Аравия смогла подавить революцию в Бахрейне.

Жемчужный успех

Королевство Бахрейн – небольшое государство в Персидском заливе – находилось, по сути, на передовой шиитско-суннитского конфликта. Дело в том, что большая часть населения (до 50 %) являются шиитами, а к суннитам относится лишь 20 % жителей королевства (остальные – христиане, индуисты, буддисты). Однако именно к суннитам относится вся элита королевства, включая правящую династию аль-Халифа. Учитывая «пришлый» характер бахрейнских суннитов (их племена раньше жили в Саудовской Аравии), они всегда опасались за собственную власть, поэтому проводили целенаправленную дискриминацию бахрейнских шиитов. Так, если в 1971 году число высокопоставленных должностных мест было разделено между двумя конфессиями примерно поровну, то к 2001 году шииты занимали примерно 17 % таких мест, а в 2011-м лишь 5 %. В ряде секторов (нацгвардии, разведке) им служить было вообще запрещено – доходило до того, что из-за нехватки кадров местные власти набирали в службы безопасности не собственных шиитских граждан, а бывших солдат из Пакистана. Не пускали шиитов и в парламент через своеобразный вариант «джерри-мондеринга» – избирательные округа нарезались таким образом, что «шиитские» включали в себя куда больше избирателей, чем суннитские. В итоге от огромного шиитского района выбирался один депутат, а от ряда небольших суннитских – несколько.

Однако помимо внутренних мер защиты нужны были и внешние – власти королевства опасались, что помощь местным шиитам могут оказать их соплеменники из Ирана. И эти страхи имели под собой основания. Да, иранцы оспаривали суверенитет королевства. «Бахрейн – часть иранской территории. Он был оторван от Ирана в результате незаконного урегулирования, осуществленного, с одной стороны, шахом, а с другой – правительствами Соединенных Штатов Америки и Великобритании», – писал в 2007 году Хусейн Шариатмадари, советник аятоллы Али Хаменеи и главный редактор тегеранской газеты «Кейхан»⁶². Да, большая часть религиозных лидеров бахрейнских шиитов получили образование в религиозном центре Ирана – городе Кум. Им просто негде было больше учиться, ведь другой шиитский «Оксфорд» – иракский Наджаф – контролировался антишиитским режимом Саддама Хусейна. Впитав проповеди иранских учителей, теперь они свободно говорят на фарси и считают себя последователями Верховного аятоллы Али Хаменеи. Однако среди шиитов было огромное количество светски настроенных людей, для которых национальность была выше религиозной сопричастности. «Мы хотим, чтобы в нашей стране были терпимость, гражданское общество, космополитизм и свободные СМИ», – говорил один из лидеров крупнейшей шиитской партии «Аль-Вифак» Джасим Хусейн⁶³. И когда в феврале 2011 года под влиянием «Арабской весны» бахрейнские шииты вышли на «Жемчужную площадь» в центре столицы страны Манама, они выступали именно с такими лозунгами, а не с призывами провести референдум по вхождению в Иран и даже (по крайней мере, поначалу) не с требованиями свергнуть просаудовскую суннитскую династию. Ведомые своими политическими лидерами, шииты требовали лишь прекращения дискриминации, а заодно и отставки символа этой дискриминации – премьер-министра страны и дяди действующего короля. Король Хамад дядю не сдал и, когда диалог зашел в тупик, а среди демонстрантов стал распространяться лозунг «Хамад, уходи», обратился за помощью к Саудовской Аравии. И 14 марта 2011 года «для помощи в обеспечении безопасности мирных жителей и инфраструктурных объ-

⁶² Е.С. Мелкумян. Реакция Бахрейна на заявление иранского политического деятеля. Институт Ближнего Востока. 14.07.2007 <http://iimes.ru/rus/stat/2007/14-07-07c.htm>

⁶³ Bahrain Opposition No Pawn of Iran's Mullahs, Shiite Leader Says. The Daily Beast. November 10, 2011 <http://www.thedailybeast.com/articles/2011/11/10/bahrain-opposition-no-pawn-of-iran-s-mullahs-shiite-leader-says.html>

ектов»⁶⁴ в страну был введен 1,5-тысячный экспедиционный корпус из Саудовской Аравии и ОАЭ (формально это была, конечно, операция ССАГПЗ). В итоге уже 16 марта революция была разогнана, несколько десятков человек погибло, а до 1,5 тысячи шиитов оказались под следствием. Символ революции – монумент с жемчужиной в центре столицы – был снесен.

За счет подавления восстания в Бахрейне Эр-Рияду удалось не только нанести имиджевый удар по Ирану, продемонстрировать всем окружающим собственную безнаказанность и доказать всем свою готовность силой поддерживать в Заливе антииранский статус-кво. Саудовская Аравия фактически взяла под полный контроль это королевство, отодвинув от власти всех представителей элиты, которые выступали за суверенную экономическую и политическую линию. В их числе оказался и кронпринц Салман, до начала Жемчужной революции пытавшийся добиться экономической независимости Бахрейна от Саудовской Аравии. В результате сейчас под чутким надзором саудовских войск (которые до сих пор присутствуют в Бахрейне) местные официальные лица во всех вопросах учитывают интересы южного соседа – вплоть до того, что слово «Иран» в разговорах с ними является чуть ли не табуированным. Королевство прилежно голосует за все инициативы Саудовской Аравии в ССАГПЗ. И даже (в отличие от всех других стран Залива) позитивно восприняло идею бывшего саудовского короля Абдаллы «перейти от этапа интеграции к полноценному союзу» во главе, естественно, с Эр-Риядом. «Сейчас Бахрейн – зависимая от Саудовской Аравии страна Залива. У местных властей нет даже возможностей для маневра», – говорит Леонид Исаев.

⁶⁴ Евгения Новикова. Король не справился с ситуацией. 16 марта 2011 г. <http://expert.ru/2011/03/16/korol-ne-spravilsya-s-situatsiej/>

Йеменский контрудар

Помимо сокрушения контрреволюции в Бахрейне Саудовской Аравии удалось нанести Ирану еще несколько менее болезненных, но все-таки эффективных ударов (например, через стимулирование гражданской войны в Сирии или поддержку суннитских боевиков в Ираке, воюющих против проиранских шиитских властей этой страны). Однако иранцы смогли нанести контрудар, который не только обнулил все предыдущие саудовские достижения, но и создал для королевства двух святынь головную боль на годы вперед. Они сделали все возможное для того, чтобы КСА втянулось в йеменский конфликт.

Еще недавно казалось, что Саудовская Аравия контролирует Йемен. После начала в стране местного этапа «Арабской весны» и отставки дружественного Саудовской Аравии президента Али Абдаллы Салеха (правившего Северным Йеменом с 1978-го, а объединенным – с 1994 года) к власти был приведен временный глава государства, полностью подконтрольный Эр-Рияду Абд-Раббо Мансур Хади – абсолютно неконфликтный политик, бывший заместитель Салеха, получивший прозвище «молчаливый вице-президент». Однако власть он удержать не сумел – в отличие от предшественника, президент Хади не мог лавировать между интересами конгломерата йеменских племен. Ему не удалось выполнить ни одну из поставленных перед ним задач – ни завершить национальный диалог (который должен был объединить различные йеменские группировки), ни провести федерализацию страны. К тому же его тесная связь с радикальными исламистами, навязывающими йеменцам саудовский ваххабизм, встречала резкое сопротивление племенных вождей. В итоге президент Хади (который после февраля 2014 года потерял даже формальную легитимность, поскольку срок его временного президентства закончился) настроил против себя огромное число уважаемых людей, в том числе и тех, кто до этого воевал друг с другом. В итоге два влиятельных бывших противника – Всеобщий национальный конгресс во главе с Али Абдаллой Салехом (чей клан новые власти стали слишком сильно притеснять, а самого Салеха хотели посадить) и группировка «Ансар Аллах», состоящая из хуситов (движение шиитов-зейдитов из Северного Йемена), объединили свои усилия. В 2014 году хуситы при поддержке Салеха вошли в столицу страны – Сану. Хади оказался под домашним арестом, однако в феврале смог бежать из президентского дворца на юг и подал в отставку.

Для Саудовской Аравии переход соседнего Йемена под власть хуситов был неприемлем. И не только потому, что они проявили неуважение к Хранителю двух святынь и выбили со спорных между Йеменом и королевством территорий саудовские войска (которые там стояли достаточно долго). В Эр-Рияде хуситов считали иранскими протеже. Эта характеристика была весьма спорной. Да, у хуситов были определенные связи с Тегераном, в том числе и организационные (группировка «Ансар Аллах» создавалась под влиянием «Хезболлы» и КСИР), но ни о какой зависимости от ИРИ речи не шло. Даже идеологической – йеменские зейдиты являются шиитами лишь формально, и их иранские собратья по вере относились к ним несколько надменно. Однако в любом случае ни у кого не было никаких сомнений, что после победы хуситов иранцы сделают все возможное для того, чтобы превратить близкое им движение в союзников через подкуп и отстрел оппонентов внутри группировки (как это было сделано, например, в Иране). Приз был слишком значителен – все прекрасно осознавали стратегическое положение Йемена, дающее колоссальные возможности тому, кто его контролирует. Эта страна находится в самом сердце Ближнего Востока, недалеко от стратегически важного Персидского залива и возле не менее важного Аденского залива. В пределах шаговой доступности от Йемена располагаются месторождения основных нефтедобывающих стран ССАГПЗ, и прежде всего Саудовской Аравии. Кроме того, тот, кто контролирует Йемен, также получит рычаг влияния на Иран, сомалийских пиратов, а также Китай через

контроль за торговыми путями, соединяющими Поднебесную с ее африканской продовольственной и ресурсной кладовой. Именно поэтому Эр-Рияд решил оперативно восстановить свою власть над этой территорией (которую он всегда поддерживал через натравливание одних племен на других).

Для начала саудовские спонсоры объяснили Хади, что он поторопился, заставили отозвать прошение об отставке и стали позиционировать его как главу государства, ставшего жертвой переворота. Пытаясь сколотить вокруг Мансура Хади антихуситский альянс, КСА купило лояльность некоторых племен юга, традиционно недолюбливавших северян, а также попросило помощи у исламистов из «Аль-Каиды» на Аравийском полуострове (принесшей клятву верности ИГ), для которых шииты-зейдиты – экзистенциальные враги. Кроме того, саудовцы сами вступили в войну против хуситов и Салеха, начав бомбардировки их позиций, и подтянули к этой войне своих союзников из арабских стран, в частности Египет. Причем действия союзников не ограничивались лишь конвенциональными боевыми действиями – по некоторым данным, страны Залива не стеснялись прибегать к терактам, уносящим жизни сотен мирных жителей. «Весь мир слышал о подрывах 21 марта 2015 года двух мечетей в Сане, которые прошли как под копирку. Там появлялся человек в гипсе, его из уважения пропускали на первые ряды, где молились высокопоставленные представители «Ансар Аллах», и он взрывал себя. В итоге погибло более сотни хуситов. Однако не всем известно, что такой же взрыв должен был прогреметь и в мечети города Саада (один из хуситских городов Севера. – Г.М.). Предотвратить его удалось лишь потому, что там смертник немного задержался, а телеканал «Аль-Арабия» (принадлежащий ОАЭ) передал в эфир информацию не только о взрывах в Сане, но и якобы произошедшем взрыве в Сааде. В эфире дали даже название мечети, поэтому смертника, готовившегося ее взорвать, буквально в последние минуты удалось обезвредить», – поясняет Леонид Исаев. А в мае 2015 года ограниченный саудовский контингент начал и наземный этап операции – вместе с исламистами и племенными ополчениями он вошел в Аден и через некоторое время боев очистил от хуситов город и ряд южных областей страны. Однако проблем Саудовской Аравии операция не решила – скорее создала новые.

Афганистан под боком

Ряд западных СМИ утверждали, что саудовская операция не нашла поддержку на арабской улице. Как пишет Guardian, «многих арабов тошнит от того, как самая богатая страна арабского мира избивает беднейшую»⁶⁵. Но проблема в том, что она не избивает – парни из гламурных ночных клубов по определению не могут избить дворовых пацанов из условных «Люберец», каковым на Ближнем Востоке и является Йемен. Эта страна – самый неудачный и даже опасный выбор для интервенции. В чем Саудовская Аравия и ее союзники уже убедились, как убеждались раньше турки и египтяне.

Во-первых, сложно воевать против любых йеменских группировок – ведь они представляют народ, который считается самым воинственным среди всех арабов. И дело тут не только в исторической наследственности – сейчас им попросту не за что ценить свою жизнь. Йемен – беднейшая страна арабского мира, население живет в крайне тяжелых социально-экономических условиях. Там нет ни значительных объемов нефти, ни даже достаточного количества воды. Доступные запасы питьевой воды составляют примерно 186 кубометров на человека в год (что значительно меньше установленного ООН порога «водной бедности» в 1000 кубометров) и берутся в основном из подземных источников, запасы которых резко сокращаются. И при этом половина всей сельскохозяйственной воды идет на выращивание ката – наркотика, который жует значительная часть населения страны (и из-за которого еще больше голодает, поскольку суточная порция ката составляет несколько долларов и на его покупку жители городов тратят львиную часть семейного бюджета). Системы образования нет. «Существующие в стране магистратуры можно пересчитать на пальцах двух рук, а кафедры, способной дать ученую степень, вообще ни одной. Те, кто получает образование за границей, в Йемен не возвращаются: племенная структура общества привела к тому, что карьерный рост зависит не от твоих знаний и достижений, а от имени твоих родственников», – говорит Леонид Исаев. Работы тоже нет. Неудивительно, что Йемен, в котором война рассматривается как наиболее эффективный социальный лифт, давно являлся одним из основных поставщиков террористов в «Аль-Каиду» и другие исламистские группировки.

Во-вторых, сложно воевать конкретно против хуситов. Шиитам-зейдитам в суннитском окружении терять нечего, и у них из этого «дома» лишь два выхода: либо они ведут саудовцев за стол переговоров и те как минимум признают власть хуситов над Северным Йеменом, либо саудовцы ведут их под нож исламистов. Поэтому любое международное давление на них бессмысленно. Да, в апреле 2015 года Совет Безопасности ООН 14 голосами «за» (Россия воздержалась) принял антихуситскую резолюцию. Документ предусматривает замораживание активов хуситов, запрет на поставки им оружия (при этом «призывает государства – члены ООН, в частности соседние с Йеменом государства, инспектировать все грузы, направляющиеся в Йемен», если есть разумные основания предполагать, что там находится оружие). Кроме того, были введены персональные санкции против лидеров мятежников, а от самих хуситов потребовали немедленно вывести войска из захваченных йеменских городов⁶⁶. Однако хуситы и их союзники на эти санкции особого внимания не обратили. Лидер движения Абдул-Малик аль-Хуси и без того не собирался покидать страну или держать свои деньги в западных банках, а Али Абдалла Салех заблаговременно вывел все свои средства из банков ОАЭ в Йемен. Что же касается запрета на поставки оружия хуситам, то это все равно что запрещать поставки песка в пустыню Сахара. Йемен – крупнейший черный рынок оружия в регионе, на 25 миллионов населения в стране приходится

⁶⁵ <http://www.theguardian.com/world/2015/sep/28/saudi-royal-calls-regime-change-letters-leadership-king-salman>

⁶⁶ http://news.liga.net/news/world/5545977-sudba_rezolyutsii_oon_po_yemenu_zavisit_ot_rossii_smi.htm

около 60 миллионов стволов огнестрела. Причем речь не только об автоматах, но и гранатометах, а также других тяжелых видах оружия. По сути, вся страна – это огромное вооруженное ополчение.

Наконец, в-третьих, сложно воевать против практически всего йеменского народа. В ходе операции Саудам не удалось обеспечить лояльность двух основных племенных групп – Бакиль и Хашид. Отчасти потому, что у элит этих племен неплохие личные отношения с Салехом (являющимся, собственно, представителем Хашид), а отчасти потому, что в Йемене любят независимость и не любят Саудовскую Аравию, считая ее оккупантом (КСА, в частности, присоединило к себе территории Северного Йемена, на которых преимущественно жили представители Бакиль). Именно поэтому, когда она вступила в войну на стороне Хади, многие племена поддержали неприятных им, но все же «своих» хуситов. А племена – это и вооруженные силы. Так, еще не успевшие вступить в войну саудиты надеялись на то, что продвижение хуситов на юг остановит военная база «Аль-Анада», прикрывающая подступы к Адену. Однако командующий этой базой генерал Наджи аль-Араши отказался подчиняться приказам подконтрольного Эр-Рияду министра обороны Йемена и пропустил хуситов в тот же день, как Хади попросил о военной помощи у монархий Залива. На протяжении конфликта к хуситам присоединились и другие части йеменской армии. «У нас сейчас ситуация, когда боевики контролируют баллистические ракеты, а теперь еще и ВВС», – признавал тогдашний посол Саудовской Аравии в США Адель аль-Джубейр (ставший затем министром иностранных дел королевства) ⁶⁷.

Неудивительно, что после почти полугода боевых действий Саудовской Аравии не удалось добиться никаких существенных успехов. Да, ряд южных областей (включая бывшую столицу Южного Йемена город Аден) удалось очистить от хуситов, однако власти у Мансура Хади и даже у Эр-Рияда там нет – территория оказалась под контролем «Аль-Каиды» и местных племен. «Йеменская война ослабляет Саудов в военном, политическом и стратегическом плане», – говорит аналитик Ближневосточного центра Карнеги Фареа аль-Муслими ⁶⁸. Более того, хуситы (естественно, при помощи иранских денег и логистической поддержки) в обороне не отсиживаются – они не только удерживают Северный Йемен, но кошмарят регулярными рейдами приграничные саудовские провинции. Информация о йеменских рейдах редко пробивается в международные СМИ, но когда она проходит, то передают о разграбленных военных базах и профессиональных саудовских военных, при виде йеменских ополчений бросающих оружие и бегущих наутек. Ведь им, в отличие от йеменцев, есть что терять.

⁶⁷ РИА Новости <http://ria.ru/world/20150402/1056251431.html#ixzz3WEVovlsL>

⁶⁸ https://www.washingtonpost.com/world/middle_east/saudi-arabia-cant-find-its-way-out-of-yemens-messy-war/2015/11/12/4d70ce26-84e1-11e5-8bd2-680ff868306_story.html?tid=ss_tw

Союзнички

Помимо втягивания Саудовской Аравии в йеменский конфликт, иранцы нанесли еще один серьезный удар по позициям Эр-Рияда – поставили под вопрос дальнейшее существование «Пакта Куинси». Заключенное в 1945 году соглашение между президентом США Франклином Рузвельтом и разбившим шатер на крейсере «Куинси» основателем КСА Абд аль-Азизом аль Саудом было, по сути, взаимовыгодным союзом. Он предполагал предоставление США прямого доступа к саудовской нефти и проведение Эр-Риядом дружественной Америке нефтяной политики в мире в обмен на гарантию американской защиты от любых врагов. Этот союз был одной из основ ближневосточной системы безопасности почти 70 лет, он выдержал даже события 11 сентября (когда стало известно, что абсолютное большинство террористов были гражданами Саудовской Аравии, американские спецслужбы на всякий случай тайно эвакуировали из США находящихся там членов саудовской королевской фамилии).

Первым серьезным ударом по стабильности «Пакта Куинси» стал итог американского вторжения в Ирак. Не потому, что в Эр-Рияде любили Саддама Хусейна, а потому, что на смену диктатору Соединенные Штаты привели еще менее любимых саудитами иракских шиитов. И тем самым открыли иракскую дверь для топтавшегося за ней уже многие годы Ирана. И в результате произошло страшное – Иран через контроль за Южным Ираком получил доступ к саудовской границе. Однако рушиться пакт стал после начала «Арабской весны», когда выяснилось, что взгляды союзников на Ближний Восток начали кардинально расходиться.

Так, большие вопросы в Эр-Рияде вызвала позиция США в Египте, когда Вашингтон сначала отказал в поддержке своему союзнику Хосни Мубараку, а потом стал сотрудничать с взявшим власть Ихваном и даже позиционировать ихванизм как некий правильный, модернистский вариант ислама, «исламскую демократию». Пошли даже разговоры о том, что именно на основе этой идеологии нужно выстраивать новый Большой Ближний Восток (в котором, понятно, не было места саудовскому ваххабизму). А когда Эр-Рияд своими силами исправил «египетское недоразумение» и к власти там пришли поддерживаемые Саудовской Аравией военные, американцы назвали это переворотом и заняли крайне враждебную позицию. Тогда саудовцы пошли на принцип – публично заявили, что компенсируют египетским генералам любые финансовые потери, которые они понесут от американских шагов.

Еще одной причиной недовольства Эр-Рияда стала позиция США в сирийском вопросе. Саудовская Аравия сделала все возможное для того, чтобы втянуть Вашингтон в сирийский конфликт, даже, по слухам, предлагала профинансировать эту операцию. Однако Обама отказывался устраивать для Штатов Вьетнам ради саудовских интересов – и не только Обама. По данным The Washington Post, львиная часть республиканцев в конгрессе была готова проголосовать против интервенции Соединенных Штатов в Сирию⁶⁹. Аналогичного мнения придерживалось и американское общество. Несмотря на масштабную информационную кампанию по демонизации Башара Асада, лишь 36 % американцев поддерживало вмешательство в сирийский конфликт, тогда как 59 % выступало против⁷⁰.

Казалось, Обаму удалось загнать в угол через провокацию с химическим оружием, однако российско-американская сделка по вывозу этого оружия из Сирии позволила прези-

⁶⁹ Blake Aaron, Sullivan Sean. The «no's» keep piling up on Syria resolution in the House. The Washington Post, September 05, 2013 <http://www.washingtonpost.com/blogs/the-fix/wp/2013/09/05/prospects-for-syria-resolution-dimming-in-house/>

⁷⁰ Rothkopf David. Obama, ignore the polls on Syria. September 04, 2013 <http://edition.cnn.com/2013/09/04/opinion/rothkopf-obama-syria-polls/index.html>

денту из этого угла выскочить. «Позволив правящему режиму в Сирии убивать собственный народ и сжигать его химическим оружием на глазах всего мира, не сдержав и не наказав его, Совет Безопасности ООН полностью продемонстрировал неспособность выполнять свои обязанности и нести за них ответственность», – возмущались в Эр-Рияде ⁷¹. Дальнейшая пассивность США по Сирии постоянно вызывала крайне резкую критику со стороны королевства. Доходило даже до угроз пересмотреть американо-саудовские отношения. «Вашингтон не сумел действовать эффективно ни в сирийском кризисе, ни в конфликте между Израилем и палестинцами, он также сближается с Тегераном и не оказал поддержку Эр-Рияду, когда последний помогал Бахрейну подавить антиправительственные выступления в 2011 году», – утверждал тогдашний глава разведки Саудовской Аравии принц Бандар бин Султан ⁷² (правда, угрожающее уйти в свободное плавание королевство тут же заказало в Вашингтоне партию крылатых ракет и авиабомб на сумму в 6,8 миллиарда долларов) ⁷³. Ворчание КСА было настолько надоедливым, что в октябре 2014 года Вашингтон (прекрасно понимавший, кто ему поставил вилку с химическим оружием) даже не выдержал и высказал все, что думает о сирийской политике королевства. «Наши союзники в регионе были нашей самой серьезной проблемой в Сирии, – заявил Байден. – Они настолько стремились свергнуть Асада, что вложили сотни миллионов долларов и десятки тысяч тонн вооружений в «Ан-Нусру», «Аль-Каиду», и другие экстремистские джихадистские организации, которые пришли в Сирию со всех концов света». Потом, конечно, вице-президент США вынужден был извиняться ⁷⁴, однако все увидели, в каком состоянии находится американо-саудовский альянс.

⁷¹ Avni Benny. A Saudi Slap at Obama and the West. October 20, 2013 <http://nypost.com/2013/10/20/a-saudi-slap-at-obama-and-the-west/>

⁷² Саудовская Аравия может уменьшить экспорт нефти в США и сократить закупки американского оружия – СМИ. ИТАР-ТАСС. 22.10.2013 <http://www.itar-tass.com/c11/922081.html>

⁷³ О военном союзе Израиля и Саудовской Аравии против Ирана. Фонд стратегической культуры. 22.10.2013 <http://www.fondsk.ru/news/2013/10/22/o-voennom-sojuze-izrailja-i-saudovskoj-aravii-protiv-irana-23552.html>

⁷⁴ <http://nationalinterest.org/feature/america%E2%80%99s-toxic-middle-east-allies-11929>

Не убедили

Наконец, последней каплей для Саудовской Аравии стали американо-иранские переговоры, которые привели к ядерной сделке и началу реформирования Ближнего Востока. Если взглянуть на процесс трезво, то ничего странного в нем нет. По сути, США делали выбор между двумя моделями дальнейшего развития ближневосточной системы безопасности: саудовского доминирования (включающего насаждение в регионах радикальных исламистских режимов и продолжение ряда конфликтов цивилизационного и межконфессионального характера) и классической системы баланса интересов, для создания которой нужно было легитимизировать Иран, снимать с него санкции и вводить саудовско-иранские противоречия в цивилизованное русло. Американцы логично выбрали второй вариант, однако в КСА и других странах Залива, по словам Генри Киссинджера, американо-иранская ядерная сделка стала рассматриваться как некий символ согласия Соединенных Штатов на иранскую гегемонию.

Американцы все это понимали и пытались донести до Эр-Рияда и других региональных союзников тот факт, что американо-иранское сближение не означает развод с ними и ликвидацию американских гарантий безопасности. Причем объясняли это по разным каналам и в разных форматах.

Так, в январе 2015 года Обама лично прибыл в Эр-Рияд на встречу с новым королем Салманом. Он даже заявил, что не будет учить нового саудовского монарха принципам соблюдения прав человека (с которым, как известно, в королевстве большие проблемы). «Иногда нам приходится жертвовать необходимостью говорить с ними о соблюдении прав человека ради насущных проблем – борьбы с терроризмом или же укрепления региональной стабильности», – пояснил он журналистам⁷⁵. Чтобы обеспечить существенный разговор, а заодно и продемонстрировать королю свое уважение, президент даже взял с собой в Эр-Рияд правильных спутников. По словам заместителя помощника по национальной безопасности Обамы Бена Родса, в делегации были люди, которые «приложили очень много сил для налаживания саудовско-американских отношений», – госсекретари, видные республиканские и демократические политики⁷⁶. Однако это не помогло – визит запомнился не прорывными решениями (которых и не было), а целым рядом нарушений дипломатического протокола с американской стороны. На переговорах президент жевал жвачку и демонстрировал подошву ботинок саудовскому королю (серьезное оскорбление на Ближнем Востоке), а его жена ходила с непокрытой головой и даже протянула руку для рукопожатия арабским политикам (в КСА, как и в ряде других исламских стран, это не принято). Причем некоторые журналисты писали, что Мишель Обама специально нарушила жесткие нормы саудовского этикета – якобы тем самым она поддержала призывы к свободе и уважению прав тамошних женщин⁷⁷. Если это действительно так, то ни женщинам, ни мужу она ничем не помогла. Скорее осложнила жизнь.

Второй подход к снаряду состоялся в мае 2015 года. Отчаявшись убедить саудовского короля тет-а-тет, Обама решил провести разъяснительную работу со всеми союзниками в районе Персидского залива одновременно и созвал руководителей государств ССАГПЗ на

⁷⁵ Diamond Jeremy. Obama defends Saudi relationship: 'Sometimes we have to balance'. January 27, 2015 <http://edition.cnn.com/2015/01/27/politics/obama-saudi-arabia-zakaria/>

⁷⁶ McCain Nelson Colleen, Al Omran Ahmed. Obama Meets New Saudi King. January 27, 2015 The Wall Street Journal. <http://www.wsj.com/articles/obama-arrives-in-saudi-arabia-1422364262>

⁷⁷ Henderson Nia-Malika. Make no mistake: Michelle Obama just made a bold political statement in Saudi Arabia. The Washington Post. January 28, 2014 <http://www.washingtonpost.com/blogs/the-fix/wp/2015/01/28/make-no-mistake-michelle-obama-just-made-a-bold-political-statement-in-saudi-arabia/>

саммит в Кэмп-Дэвиде. Однако и тут произошел конфуз, причем еще до переговоров – демонстрируя свое отношение к президенту США, главы государств, за исключением эмиров Катар и Кувейта, на саммит не приехали, прислав своих вторых лиц (причем саудовский король, который должен был и в этом вопросе проявлять лидерство, объявил о своем отказе через сутки после того, как Белый дом заявил о его согласии приехать). Однако выслушать его арабы были готовы. «Они отправились в Кэмп-Дэвид, будучи убежденными в том, что их роль состоит не в том, чтобы изменить мнение Обамы или кричать ему в лицо, а в действиях, исходящих из принципа «возьми сегодня то, что ты можешь взять, не попадая в иранскую западню». ... Это был рациональный подход к президенту, по своей природе склонному к колебаниям и находящемуся в начале оставшихся ему двух лет президентства», – писал ведущий обозреватель саудовской газеты «Аш Шарк аль-Аусат» Тарик аль-Хамид ⁷⁸. Простое слово Обамы их не устраивало – Хосни Мубараку американские президенты тоже обещали поддержку и не предоставили ее в час нужды. «Мы ждем своего рода гарантий безопасности, учитывая поведение Ирана в регионе и рост угрозы экстремизма. В прошлом нам хватало джентльменского соглашения с США по вопросу безопасности. Думаю, что сегодня нам уже необходимо что-то подписанное, что-то официально оформленное», – говорил посол ОАЭ в США Юсеф аль-Утайба. Однако Обама ответил отказом и подписывать ничего существенного не стал. Президент США не хочет связывать себя обязательствами по возможному вовлечению в шиитско-суннитскую войну в регионе. К тому же это противоречило «доктрине Обамы» – минимизации внешнеполитических обязательств, снижению активности США во второстепенных регионах и концентрации всех ресурсов на политику в АТР. В итоге на саммите решили, что «США и страны ССАГПЗ будут сотрудничать по противодействию дестабилизирующих действий Ирана в регионе и созданию региональной архитектуры безопасности» ⁷⁹. Для успокоения местных элит было также решено создавать на Ближнем Востоке региональную систему ПРО (естественно, на деньги монархий Залива). Учитывая, что Иран и не собирается никого бомбить ядерным оружием, безопасность стран монархий это решение не повысило. По важнейшим для саудовских интересов вопросам – в частности, сирийскому – никаких существенных решений принято не было.

⁷⁸ <http://www.iimes.ru/?p=24493>

⁷⁹ <http://www.iimes.ru/?p=24497>

Цена поражения

В результате Саудовская Аравия оказалась в крайне неприятном положении. Ей кровь из носу нужна победа в Сирии, в Йемене и/или срыв американо-иранской сделки. На кону стоит уже даже не вопрос саудовского лидерства в регионе – режим борется за свое выживание. Если Акела промахнется и лишится авторитета, то это поражение может резко обострить внутренние проблемы в Саудовской Аравии. Связанные прежде всего с исламским радикализмом, дискриминируемой шиитской общиной и сложностями в вопросе престолонаследия.

Да, Саудовская Аравия является основным спонсором салафитских террористических организаций, а одна из крупнейших сирийских исламистских группировок – «Джабхат ан-Нусра» – вообще, по слухам, напрямую управляется сотрудниками Управления общей разведки КСА. Более того, после прихода к власти король Салман пересмотрел отношения королевства и суннитских террористических группировок. Если король Абдалла их опасался и как-то сдерживал (в том числе и нетрадиционными способами – он пытался приучить свой аппарат называть жителей королевства не «мусульманами», а «гражданами», тем самым нивелируя наднациональную религиозную сопричастность ради национальной государственной), то Салман решил более активно использовать их потенциал против Ирана и Сирии. Отсюда, в частности, поддержка саудитами катарской карты – ИГ⁸⁰. Однако это не означает, что между Эр-Риядом и исламистами царят любовь и взаимоуважение. Скорее наоборот. ИГ и ему подобные группировки довели салафизм до логического конца – а эти идеологии, взятые в своем чистом виде, отрицают монархический принцип, а значит, и ставят под сомнение легитимность династии Аль-Саудов. Для исламистов династия Саудов – узурпаторы и грешники, а никакие не братья-ваххабиты. «Для современных элит королевства салафизм и ваххабизм стали лишь риторикой – диктатура одной семьи уничтожила всю суть идей ваххабизма, как и существование в саудовских городах свободных от жестких саудовских законов анклавов для западных и восточноазиатских специалистов (где можно найти выпивку и другие запрещенные вещи, где женщины ходят с открытым лицом). Для настоящих ваххабитов режим давно потерял легитимность, еще когда Верховный муфтий Саудовской Аравии в конце 1990 года издал фетву, благословляющую ввод американских войск на территорию королевства. Поэтому ваххабиты оказались под жесточайшим давлением, часть из них была брошена в тюрьмы. И именно этих людей Саудовская Аравия освободила и выслала на помощь исламистам в Леванте. Если сейчас война в Сирии закончится победой Башара Асада, то вся эта многочисленная исламистская группировка вернется в Саудовскую Аравию и оценит этот «ваххабитский» режим по гамбургскому ваххабитскому счету», – говорит Севак Саруханян.

Не исключено, что возвращающиеся ваххабиты получают определенную поддержку со стороны саудовского населения. «Традиционный ислам» с политической точки зрения ассоциируется у него с прикрывающейся исламскими лозунгами диктатурой, несправедливостью, неравенством, развратом. До сих пор королевству удавалось убеждать население прикрывать глаза на греховность элит за счет щедрых финансовых вливаний. Так, после начала «Арабской весны» король Абдалла анонсировал ряд грандиозных социальных программ на сумму примерно 72 миллиарда долларов. Сюда входило инициирование государственной пенсионной системы, строительство дешевого жилья, создание 90000 новых рабочих мест, а также комплексное развитие депрессивных регионов. Однако падение цен на нефть вкупе с крайне затратной внешней политикой может серьезно осложнить эту задачу. Из-за резкого

⁸⁰ <http://nationalinterest.org/feature/turkey-qatar-close-allies-sharing-doomed-syria-policy-14283?page=2>

сокращения доходов и роста расходов в 2015 году бюджетный дефицит составил более 100 миллиардов долларов (20 % ВВП). Причем, по данным HSBC, он сохранится не один год⁸¹. Да, КСА может покрывать дефицит за счет золотовалютных резервов (что оно и делает), однако эти резервы истощаются – так, в феврале и марте 2015 года они сократились на 5 % (36 миллиардов долларов)⁸². Отчасти этому, конечно, поспособствовало желание нового короля Салмана раздать многочисленные подарки в честь своего восшествия на престол, однако отчасти в сокращении золотовалютных запасов виноваты и траты королевства на войну в Йемене (которую оплачивает именно Эр-Рияд).

⁸¹ <http://www.bloomberg.com/news/articles/2015-10-19/saudi-arabia-said-to-delay-contractor-payments-after-oil-slump>

⁸² http://www.gazeta.ru/business/news/2015/05/01/n_7159937.shtml

Образованный король не нужен

К экономическим и религиозным сложностям могут добавиться и династийные. По сути, КСА как было набором племен 100 лет назад, так им и осталось. Линии разлома внутри королевства проходят по племенным границам. По сути, государство держит лишь династия Саудов, которая была создана благодаря крайне мудрой матримониальной политике основателя КСА Абд аль-Азиза ас-Сауда. Завоевывая племена, он не просто брал женщин в свой гарем – ему нужно было, чтобы каждое племя ощутило свою сопричастность к государству. Поэтому король Абд аль-Азиз ввел специфическую систему наследования. После его смерти престол отходил старшему сыну, а после смерти этого сына – не его детям, а следующему брату и так далее. Таким образом, каждое племя, отрядившее в гарем Абд аль-Азиза достойную женщину (то есть способную родить ему здорового и долго живущего наследника), могло быть уверено в том, что их выходец когда-нибудь станет Хранителем двух святынь.

Однако у этой модели были и свои минусы – сыновья умершего в 1953 году правителя сами старели и умирали. Именно поэтому король назначал не только кронпринца, но и вице-кронпринца. Нынешнему королю Салману, например, 79 лет, и в период правления короля Абдаллы он был третьим назначенным кронпринцем. Два предыдущих – Султан и Найеф (вице-кронпринц, ставший наследником после Султана) – не пережили короля Абдаллу, умерев в 2011 и 2012 годах соответственно. Возникал вопрос: кто из тысяч внуков и правнуков короля Абд аль-Азиза должен наследовать престол после ухода из жизни всех его сыновей?

Салман, казалось, решил эту задачу, за что уже прозван современниками «Решительным». Он принадлежит к влиятельнейшему клану Судайри (куда входит потомство Абд аль-Азиза от его жены Хассы бинт Ахмад ас-Судайри) и, используя его мощь и влияние, добился перехода власти к третьему поколению именно этого клана. Салман назначил вице-наследником племянника Мухаммеда бин Найефа – внука Абд аль-Азиза и сына так и не ставшего королем кронпринца Найефа. А в конце апреля, после добровольной отставки наследника – брата короля и представителя второго поколения принца Мукрина, – Мухаммед бен Найеф сам стал кронпринцем. Его место вице-наследника занял сын короля, Мухаммад бин Салман, ставший министром обороны. Он также контролирует доступ к телу короля, нефтяную политику и переговоры с иностранными лидерами (у короля Салмана болезнь Альцгеймера)⁸³. Таким образом, и наследник, и вице-наследник представляют третье поколение.

На первый взгляд решение с кандидатурой наследника более чем достойное. Выбор Мухаммеда бин Найефа объясняют рядом факторов, среди которых близость к американской разведке (они долго и успешно сотрудничали). Ну и, кроме того, он слишком много знал (его папа, Найеф бин Абд аль-Азиз, занимал пост министра внутренних дел с 1975 года по октябрь 2011 года, а его сын унаследовал эту должность в ноябре 2012-го). Назначение же лояльного сына короля на пост второго наследника должно было защитить решение отца от действий противников. Ведь теперь они должны будут хорошо подумать, прежде чем высказывать свои возражения – кронпринц Мухаммед бин Найеф и вице-кронпринц Мухаммад бин Салман контролировали силовой аппарат – не только МВД и Минобороны, но и разведку. А это не только солдаты, но и огромные деньги за счет закупок оружия. Военно-техническое сотрудничество считается, после нефтедобычи, чуть ли не второй статьёй дохода членов королевской семьи, ведь откаты от западных фирм и корпораций за выгодные контракты в этой области достигают, по данным ряда экспертов, 15 %⁸⁴. Вне контроля наследника и сына короля оставалась только Национальная гвардия, которую контролировал сын

⁸³ <http://www.al-monitor.com/pulse/originals/2015/09/saudi-king-salman-washington-visit.html>

⁸⁴ <http://www.iimes.ru/?p=23366>

покойного короля Абдаллы Мукрин, но ее полномочия стали ограничивать на законодательном уровне.

Однако нет никаких гарантий, что недовольные принцы будут молчать после смерти Салмана. Кронпринц Найеф может стать первым королем КСА с западным образованием – однако с точки зрения элит это скорее минус. За его прозападные взгляды и тесную привязку к американцам Найефа очень сильно не любят как в радикальном саудовском семействе, так и среди духовенства КСА. В западных СМИ уже появляются их письма, говорящие о том, что Дом Саудов недоволен и ждет, пока позиции сына и племянника короля не ослабнут. Процесс уже пошел. Во-первых, кронпринц и вице-кронпринц фактически курируют йеменскую и сирийскую кампании, которые не приносят пока ничего, кроме финансовых и имиджевых убытков. Во-вторых, между ними, по слухам, отношения уже испортились, и Мухаммад бин Салман сам хочет стать королем, в обход двоюродного брата. Наконец, в-третьих, недовольные принцы вполне могут воспользоваться тем же исламистским фактором. Их шансы на переворот возрастут, если за плечами будет стоять огромная террористическая армия.

В свою очередь, междоусобицей внутри саудовской династии вполне могут воспользоваться как исламисты (пожелавшие сыграть партию самостоятельно), так и архивраг королевства – Иран. Например, поддержать местных шиитов. Их в КСА немного (2 миллиона, порядка 8 % от населения страны). Да, они дезорганизованы, однако живут они на основных нефтяных месторождениях королевства. И в лучшем для Саудовской Аравии случае шииты получают гражданские права, а в худшем – добьются сецессии вместе с саудовской нефтью.

Научитесь разговаривать

Пытаясь предотвратить эти сценарии, обеспечить внутреннюю и внешнюю безопасность, Саудовская Аравия пытается нащупать какие-то интересные ходы конем. Некоторые оказались слишком радикальными для того, чтобы их реализовывать. Например, получение Саудовской Аравией ядерного оружия (после чего ее внешняя безопасность была бы обеспечена, а на внутреннюю стабильность молился бы весь регион и внешние акторы). Да, королевство уже давно реализует компоненты ядерной программы и, по мнению некоторых экспертов, тихо-тихо движется в направлении создания ядерного оружия. Так, власти страны сделали упор на развитие физики, а Исследовательский университет имени короля Абдаллы становится одним из крупнейших в мире центров по исследованиям в области естественных наук. Если же время поджимает, всегда можно воспользоваться старыми связями и приобрести одну-другую боеголовку у Пакистана, с которым у Эр-Рияда давние и тесные отношения. В 80-е годы прошлого века президент Пакистана Мохаммед Зия уль-Хак послал сорокатысячный военный контингент для охраны саудовских границ во время ирано-иракской войны, а саудовцы профинансировали создание Исламабадом своего «ядерного меча». По некоторым данным, ядерная тема могла обсуждаться 3 февраля 2015 года в ходе визита в Эр-Рияд группы высокопоставленных пакистанских силовиков во главе с главой межведомственной разведки генералом Ризваном Ахтаром. Однако США жестко против – Вашингтону не нужны ни гонка ядерных вооружений в регионе, ни появление ядерного оружия у «Аль-Каиды» или ИГ. Поэтому, судя по всему, КСА жестко запретили инициировать ядерную программу под угрозой госпереворота. Как и начинать превентивную войну против Ирана в союзе с Турцией или Израилем.

Из легальных ходов многие не получались или не давали особой отдачи. Так, у Эр-Рияда никак не получалось столкнуть лбами Иран и США. Ни в Ираке (не случайно с избранием Хасана Роухани резко возросли террористические акты против иракских шиитов, которые должны были подвинуть Иран к радикальным шагам), ни в Сирии, куда Тегеран упорно не хочет вводить войска. Ставка на турок оказалась бесперспективной. Да, с Анкарой можно сотрудничать в деле поддержки террористических группировок в Сирии, однако вряд ли Реджеп Эрдоган, даже при всей своей эксцентричности, готов пойти на прямой конфликт с Ираном. Турецкие бизнесмены грезят Ираном, экономику которого планируют оккупировать сразу же после вывода Ирана из-под санкций, и не простят президенту потерю второго (после российского) сверхдоходного рынка. Да и к тому же Турция слишком зависима от США, особенно после разрыва отношений с Москвой.

А вот ход саудовским конем в сторону сближения с Россией был бы потенциально куда интереснее. И в целом саудовские руководители в какой-то момент стали понимать, что им нужны рабочие и конструктивные отношения с Кремлем. И дело даже не в том, что Москва может поставлять оружие (в отличие от США) без привязки к политическим вопросам. КСА нужна политическая поддержка страны, которая зарекомендовала себя как держава, не бросающая союзников даже в самое сложное время. Ну а также от страны, которая является единственной из региональных и внерегиональных великих держав, не запятнавшей себя участием в йеменском конфликте и в исторической шиитско-суннитской войне и имеющей эффективный опыт медиаторской деятельности в арабском мире. А посему обладающей всеми шансами стать эффективным посредником между странами, в том числе между Ираном и КСА.

В свою очередь, Кремль к сближению готов. Нормализация отношений с Эр-Риядом откроет ему доступ к саудовским инвестициям, региональному посредничеству, а также (что немаловажно) позволит уравновесить Иран. Да, сейчас между Москвой и Тегераном теп-

лые и конструктивные отношения, однако чрезмерная привязка своей политики к иранской может привести к тому, что Иран (который, безусловно, после снятия санкций пойдет по пути диверсификации своих связей) не станет учитывать российские интересы. Сохранение же баланса, поддержание хороших отношений и с КСА, и с Исламской Республикой заставит аятолл взвешивать свои шаги (например, на Южном Кавказе, в Средней Азии или же в области газового сотрудничества с ЕС), дабы не толкнуть Москву в сторону Эр-Рияда и не нарушить баланс сил не в свою пользу.

Однако сделать ход конем на российскую клетку Саудовская Аравия не может. Как минимум потому, что для этого сначала нужно сменить тон в отношении Москвы. По сути, Эр-Рияд вел себя в отношении России так, как он ведет себя с западными лидерами, – предлагал Путину отказаться от его национальных интересов и суверенитета в виде сдачи Башара Асада в обмен на большие контракты с КСА (чуть ли не 15 миллиардов долларов) и помощь в поимке оставшихся боевиков на Северном Кавказе (финансируемых в том числе и КСА). Неудивительно, что Кремль не просто ответил отказом, но и слил информацию об этой попытке дать взятку в прессу. Москва готова на компромисс в том случае, если Саудовская Аравия будет уважать ее интересы в Сирии и относиться как к уважаемому партнеру. В ответ Россия готова поддержать лояльный КСА режим в Бахрейне и Египте, а также уравновесить Иран. Однако на такой компромисс не готов Эр-Рияд. Поэтому на сегодняшний день оба государства продолжают открыто соперничать в регионе. КСА продолжает кошмарить Сирию (поставляя в том числе противотанковые ракеты), а Россия предупреждает, что в случае заплыва саудовской политики за буйки адекватности (например, поставок ПЗРК) Москва пересмотрит позицию в отношении хуситов. Йеменцы с благословения Ирана уже давно стучатся в кремлевские двери, пытаясь добиться от Москвы хотя бы дипломатического признания, а также, возможно, посредничества в деле разрешения йеменского конфликта.

Отцы против детей?

В результате Саудовская Аравия выбрала иной вариант хода конем. Она решила возглавить борьбу с международным терроризмом и в середине декабря 2015 года объявила о создании собственной исламской коалиции. В нее вошли 34 страны и территории, в том числе Иордания, ОАЭ, Пакистан, Бахрейн, Турция, Тунис, Судан, Сомали, Палестина, Катар, Кувейт, Ливан, Ливия, Малайзия, Египет, Нигерия, Йемен. По словам министра обороны Мухаммада бин Салмана, ее целью будет не только «Исламское государство», но и другие террористические группировки. Он дал понять, что коалиция будет действовать не только в Сирии и Ираке, но и в Ливии, Египте и Афганистане.

Создание Саудовской Аравией антитеррористической коалиции под своим началом аналогично тому, как если бы картель Синалоа возглавил войну против наркоторговли. И ладно бы речь шла о борьбе под благовидным предлогом с конкурентами и их клиентами (некоторые картели в США намеренно наводили американские и мексиканские власти на бизнес других картелей), но нет – в коалиции оказались и конкуренты в деле спонсирования терроризма, в частности Турция и Катар. С другой стороны, если саудовский представитель возглавляет консультативную группу в Совете ООН по правам человека, то чему удивляться? Хотя кто-то удивился. Например, лидеры некоторых стран (Пакистана, Малайзии, Ливана) узнали об их вхождении в коалицию только после того, как эта новость попала в СМИ ⁸⁵.

Если же отбросить организационные неурядицы, то шаг Саудовской Аравии видится вполне логичным. Некоторые эксперты уверяют, что коалиция создана для организации вторжения в Сирию и Ирак. Однако вряд ли Эр-Рияд решится на такой шаг. Да, интервенция коалиции может привести к ответному вторжению в Сирию и Ирак иранских войск и обрушит американо-иранские и американо-российские договоренности, однако одновременно с этим обрушит и американский, российский и иранский гнев на головы саудовских властей.

Вместо этого Эр-Рияд играет куда тоньше. Его действия направлены на максимальное затягивание гражданских конфликтов в Сирии и Ираке. Ведь их окончание высвободит ресурсы Тегерана и Дамаска и позволит им укреплять свое влияние на новых фронтах (в частности, помочь партнерской структуре – «Хезболле» – избавиться от контролируемых саудовцами и турками североливанских суннитских группировок). Ну и, естественно, встанет щекотливый вопрос о необходимости отстрела выживших на сирийских фронтах саудовских джихадистов, пожелавших вернуться в родные пенаты. И с этой точки зрения коалиция создавалась не для вторжения, а для угрозы вторжения, которая может воодушевить сирийскую оппозицию.

Ни для кого ведь не секрет, что на сегодняшний день сирийская оппозиция в смятении. Российские бомбы оставляют им лишь три варианта действий: умирать, бежать или договариваться с Асадом на условиях Дамаска. Иных опций им не предлагают даже американцы. А саудовцы создание коалиции предложили. Эр-Рияд уже обещал собравшимся в Эр-Рияде оппозиционерам военную поддержку их дальнейшей борьбы с Асадом и дал понять, что им не обязательно договариваться с сирийским президентом на его условиях. «Или в Сирии будет достигнуто политическое урегулирование путем переговоров и Асад покинет свой пост, или конфликт будет продолжаться, и эта цель будет достигнута военным путем», – заявил министр иностранных дел королевства Адель ибн Ахмед аль-Джубейр ⁸⁶.

⁸⁵ https://www.washingtonpost.com/news/worldviews/wp/2015/12/17/saudi-arabias-islamic-military-alliance-against-terrorism-makes-no-sense/?postshare=2341450359345659&tid=ss_tw

⁸⁶ <http://vz.ru/world/2015/12/10/783043.html>

Еще одной задачей коалиции может быть коллективное наведение порядка в регионе, в том числе и в странах – участницах этого объединения. Ведь «саудовское понимание этого термина простирается гораздо шире понятия насильственных акций вооруженных групп», – говорит корреспондент ВВС Фрэнк Гарднер⁸⁷. Под него будут попадать и шиитские выступления, и просто требования по либерализации режимов, которые партнеры будут подавлять. Ведь в том же Бахрейне Эр-Рияд не любит и не против сбросить саудовскую оккупацию. Те же шиитские протесты никуда не делись, они лишь перешли в пассивную форму (например, в виде игнорирования парламентских выборов), а антисаудовская элита, видя ослабление КСА, вновь подает голос. Так, бахрейнский кронпринц Салман в феврале 2015 года написал статью для одного из британских СМИ, где указал, что мир борется не столько с терроризмом, сколько с теократией. Этот враг «занимается самоизоляцией и не придает никакой ценности общественному договору, заключенному между членами общества. Он угнетает женщин и убивает тех, кто не согласен с его идеологией, не воспринимает ее и не претворяет в жизнь», – пояснял Салман⁸⁸. Явный намек на то же КСА. Поэтому не исключено, что через какое-то время Эр-Рияду придется вновь наводить в Бахрейне порядок. И если эти действия будут проходить в рамках коалиции, то международная критика саудовского режима и его методов будет несколько разбавлена.

⁸⁷ <http://www.bbc.com/news/world-middle-east-35099318>

⁸⁸ <http://www.telegraph.co.uk/news/worldnews/islamic-state/11414646/To-defeat-our-foe-we-must-first-define-him.html>

Как спровоцировать Иран

Еще одним шагом КСА стала попытка перевести «холодную войну» с Ираном из подкованной в открытую фазу. Для этого в первые дни 2016 года саудиты вместе с несколькими десятками террористов казнили саудовского проповедника Нимра аль-Нимра. Между тем речь шла не о простом проповеднике – The New York Times называет Нимра аль-Нимра «символическим лидером шиитских демонстраций, прокатившихся за время «Арабской весны» по нескольким странам Персидского залива»⁸⁹. «Он был представителем молодого поколения шиитских проповедников в Саудовской Аравии, которое – в отличие от старшего поколения – более свободно и активно говорит о практически бесправном положении шиитской общины в королевстве, – поясняет Севак Саруханян. – При этом Нимр аль-Нимр пользовался авторитетом и среди части суннитского населения, которое было недовольно политической правящей династии. И достиг Нимр аль-Нимр такой популярности потому, что позицию свою формулировал не только и не столько конфессиональными терминами, а социальными и политическими – говорил о диктатуре, коррупции и социальной несправедливости».

В Эр-Рияде прекрасно понимали, что казнь уважаемого шейха, а тем более в компании с террористами, будет воспринята шиитами как преступление и оскорбление. Так оно и произошло – сотни шиитов вышли на улицы оккупированного КСА Бахрейна и восточных регионов Саудовской Аравии. На их подавление были отправлены саудовские войска, однако КСА нужна была не победа над собственными гражданами – они ждали чрезмерную реакцию Ирана. Таковую, которую можно было бы предъявить Западу как доказательство «радикальной сущности» иранского режима, с которым цивилизованные государства не могут иметь дело. И Эр-Рияд своего дождался – возмущенная толпа в Тегеране разгромила саудовское посольство. Затем иранцы, конечно, осознали всю прелесть ловушки, в которую они попали, и попытались провести работу над ошибками (в частности, арестовали шесть десятков человек и уволили заместителя генерал-губернатора Тегерана, который «не выполнил вовремя свои обязанности»⁹⁰). Однако вице-наследник Саудовской Аравии принц Мохаммад бин Салман сделал все возможное для того, чтобы привязать события в саудовском посольстве в Тегеране образца 2016 года к событиям в американском образца 1979 года⁹¹. Например, он дал понять, что решение КСА отозвать своих дипломатов из Тегерана после разгрома посольства было продиктовано именно желанием их обезопасить. Более того, сам факт иранских возмущений позиционируется принцем как доказательство агрессивных намерений Тегерана. «Какое отношение к Ирану имеет вердикт саудовского суда в отношении саудовского гражданина, совершившего преступление против Саудовской Аравии. Какое Ирану до этого дело? Если, конечно, это не свидетельство того, что Иран пытается распространить свое влияние на все страны региона», – говорит принц Мухаммад бин Салман⁹².

Провокация с казнью Нимра аль-Нимра была направлена не только на ухудшение имиджа Тегерана, но и для побуждения его на ответные (а значит, и более активные) действия. Победы ИРИ над КСА во многом обуславливались минимальным вмешательством Тегерана в конфликты на периферии. В Ираке это делалось для того, чтобы не раздражать американцев, в Сирии – чтобы не превращать гражданскую войну в религиозную суннитско-шиитскую, в Йемене – чтобы не быть обвиненными во вторжение на территорию КСА. Соответ-

⁸⁹ http://www.nytimes.com/2016/01/03/world/middleeast/saudi-arabia-executes-47-sheikh-nimr-shiite-cleric.html?_r=0

⁹⁰ <http://ria.ru/world/20160110/1357161641.html>

⁹¹ http://www.economist.com/saudi_interview

⁹² Там же.

ственно, активизация действий Исламской Республики на одном из этих направлений как ответ на смерть шиитского проповедника серьезно усилит позиции королевства на данном театре военных действий. В самом Иране, конечно, прекрасно читают игру саудитов, однако им придется как-то отвечать, хотя бы для того, чтобы не лишать шиитское население стран Залива веры в иранскую поддержку. Ведь не только Саудовская Аравия должна ежедневно доказывать, что Акела не промахивается. Проблема в том, что если даже Тегеран продемонстрирует сдержанность, то КСА найдет иной способ спровоцировать Исламскую Республику. «Эскалация КСА нужна, и, более того, прямой удар иранцев по Саудовской Аравии исходит из интересов Эр-Рияда. Это станет поводом для сплочения активной коалиции против ИРИ, от участия в которой не сможет увильнуть и Вашингтон (он с 1951 года связан с Эр-Риядом договором о взаимной обороне)», – говорит Севак Саруханян.

Между тем эти интервенции, затягивания сирийского конфликта и антииранские провокации не спасут КСА. Они являются лишь тактическими действиями, оттягивающими неизбежную дезинтеграцию и крах Дома Саудов. Проблема Саудовской Аравии в том, что она со своей радикальной внутренней и внешней политикой, нацеленной на хаос и деградацию арабского мира, стратегически находится не на той стороне истории. По сути, ретроградное королевство продолжает вести ретроградную политику в рамках трендов, которые давно уже идут по нисходящей. Спасти королевство может, лишь встав на правильную сторону истории и способствуя стабилизации региона. Начать, например, можно с серьезных внутренних реформ, включая отказ от радикальной идеологии и либерализацию государства. Возможно, принц Найеф и назначен кронпринцем для того, чтобы их постепенно провести. Но вот сможет ли он, да и захочет ли – большой вопрос.

Глава 3

Египет: от диктатуры к демократии и обратно

«Господин президент, – обратились к египетскому президенту Хосни Мубараку корреспонденты. – Говорят, вы собираетесь выступить с прощальным посланием к народу?» – «А что, мой народ куда-то уходит?» – с удивлением отвечает им Мубарак.

Долгое время этот популярный в египетском обществе анекдот символизировал твердую уверенность египтян в том, что Хосни Мубарак, находящийся у власти в стране почти 30 лет, покинет свой пост, лишь уйдя на тот свет по примеру своих предшественников – Гамаль Абдель Насера и Анвара Садата. Египет позиционировался как самая сильная страна арабского мира, его политический лидер, посредник в самых серьезных региональных конфликтах. Однако в начале 2011 года анекдот потерял актуальность – мубараковский Египет стал второй после Туниса жертвой «Арабской весны». И более того – он стал восприниматься как основное достижение всего революционного процесса. Успешная демократизация 85-миллионной страны должна была стимулировать демократические преобразования во всех странах арабского мира. Именно поэтому в уходе Мубарака столь важную роль сыграли внешние силы – спонсоры «Весны»: государства, правозащитники, СМИ. Не случайно уже упоминавшийся египетский анекдот о беседе Насера, Сабада и Мубарака после свержения последнего стал таким популярным. Однако, как показала практика, все старания спонсоров «Весны» по свержению Хосни Мубарака, вся кровь, пролитая ради этого свержения, оказались бессмысленными. Через 2,5 года после ухода египетского президента власть в стране взяла его реинкарнация, а весь мир увидел, к какой именно демократизации ведет регион «Арабская весна».

Старые болячки

Причиной подверженности вирусу стал крайне слабый к нему иммунитет. Ветер «Арабской весны» сдул пыль со стольких египетских проблем, что Мубарак был попросту обречен.

И дело не только в идеологической деградации арабского национализма, который не мог дать населению ни свободы, ни перспективы, ни веры в то, что эта перспектива появится. Дело еще и в проблемах социально-экономического характера. Страна уже давно серьезно перенаселена. Египет обладает большой территорией, однако лишь 5 % земель пригодны для хозяйственной деятельности – остальное занимает пустыня. В итоге на пресловутых 5 % земли в дельте Нила (примерно 50 тыс. кв. км) проживает абсолютное большинство 85-миллионного населения страны. Банальная нехватка территории и скученность населения на фоне скудных ресурсов стали причиной высокого уровня бедности, поэтому египтяне крайне болезненно реагируют даже на самое незначительное ухудшение условий жизни. В итоге повышение цен на продовольствие (по некоторым данным, только в конце 2010 – начале 2011 года стоимость хлеба в стране выросла на 20 %, а овощей – на 25 %) спровоцировало в Египте социально-политические потрясения.

На острие протеста оказалась египетская молодежь. Свободного времени для митингов у нее было много – на фоне общего снижения уровня безработицы (с 11 % в 2005 году до 9 % в 2010-м) ситуация с рабочими местами в городах продолжала ухудшаться, и в 2010–2011 годах 43 % молодых горожан слонялись без дела. Естественно, после тунисских событий (когда впервые за долгое время арабский народ сумел свергнуть диктатора) они загорелись «Весной» и почувствовали себя наконец-то сопричастными к великой Идее, которую можно воплощать в жизнь. И взялись за это воплощение со всей присущей молодым людям страстью и энергией, а также с применением современных цифровых технологий. Организация проходила стихийно – протестующие просто создавали в социальных сетях группы и назначили на 25 января 2011 года общий сбор. Спецслужбы к такой форме организации оказались не готовы, поэтому просто прозевали ситуацию. Следствием их ошибки стал выход в назначенный день на улицы десятков тысяч египтян, загнать которых в их дома уже не получилось. Силловые методы спецслужб не работали – они отстреливали демонстрантов, однако их похороны приводили к еще более масштабным акциям протеста. Центром демонстраций стала каирская площадь Тахрир (по ее имени и названы революционные события).

Да, вошедшая в города армия могла массово расстрелять и разогнать демонстрантов, однако поступила по-иному, начав отстреливать лишь мародеров, которые, пользуясь отсутствием порядка, грабили все подряд. Причиной умеренности военных стал серьезный конфликт египетского генералитета с президентом Мубараком. Глава государства для них стал «фараоном» – вопреки сложившейся в Египте традиции, он хотел передать власть своему сыну Гамалю и активно расчищал для него политическое пространство (в частности, продвигал друзей сына на посты министров и депутатов парламента). При этом у Гамалья Мубарака даже не было военного образования – еще один серьезный недостаток в глазах генералитета (Насер и Садат закончили Королевскую военную академию и служили в пехоте, а Хосни Мубарак был военным летчиком). Гамаль понимал свои недостатки и решил продемонстрировать военным свои лидерские качества, причем в самый неподходящий момент – когда ситуация начала успокаиваться и люди, поверив обещаниям Мубарака-старшего о скорых и неизбежных реформах, стали расходиться с улиц. 2 февраля группа сторонников Мубарака-младшего на лошадях и верблюдах (отсюда и название события – «Битва на верблюдах») врзалась в толпу оставшихся демонстрантов и попыталась ее разогнать. Однако в конечном итоге численное преимущество протестующих заставило сторонников Насера

ретируются. Народ снова вышел на улицы, а армия, увидев все, что хотела, перешла на сторону народа.

Возможно, Мубараку удалось бы обуздать военных, если бы в его поддержку выступили давние друзья – американцы. Мнение американцев для генералов фактически сродни приказу – без американской финансовой и военной помощи армии пришлось бы непросто. И египетский президент имел все основания верить в лояльность Вашингтона – за время своего правления Мубарак зарекомендовал себя как верный и надежный союзник. Пользуясь своим авторитетом в арабском мире, он являлся проводником американской политики на Ближнем Востоке (особенно в палестинских делах). Кроме того, Хосни Мубарак гарантировал США сохранение Кэмп-Дэвидских соглашений, обеспечение безопасности судоходства по Суэцкому каналу, недопущение гражданской войны и прихода к власти в этой крупнейшей арабской стране террористов. Однако Обама своего коллегу сдал и фактически призвал его уйти в отставку⁹³. «Я заявил президенту Мубараку, что переход власти должен быть мирным и должен начаться сейчас», – заявил американский лидер. После чего Хосни Мубараку не оставалось ничего иного, кроме как 11 февраля объявить об уходе с поста президента, передав власть в руки хунты – Высшего совета вооруженных сил во главе с генералом Хусейном Тантауи.

Президент Института Ближнего Востока Евгений Сатановский объясняет сдачу Мубарака Обамой «генетической привычкой американских президентов продавать и сдавать единственных потенциальных союзников, которые у них вообще есть, и ставить на некую теоретическую демократию, которую к власти приводят самые радикальные, самые антиамериканские силы». Его мнение разделяли и в Израиле – все ведущие израильские СМИ (кроме совсем уж ультралевых) называли американскую позицию не иначе как «безответственной», «нерациональной», «слепой» и «предательской». А все потому, что если в Белом доме лелеяли мысль о новом демократическом Египте, в Израиле прекрасно знали, кто придет на смену египетскому диктатору. Парни с айфонами могли лишь протестовать на улицах. А власть бы перешла в руки парней с бородами и с Кораном. Так оно, собственно, и произошло.

⁹³ http://www.gazeta.ru/news/lastnews/2011/02/02/n_1685346.shtml

Братья из подполья

Для того чтобы понять настроения египтян, достаточно было просто хотя бы чуть-чуть понимать состояние исламского мира на тот момент. «К кому обращаться разочарованным в зажавшихся диктаторах арабам? К несуществующему и рухнувшему Советскому Союзу? К Штатам с их чуждой западной культурой? К Китаю, который старается не вмешиваться во внутренние дела режимов, с которыми сотрудничает? В итоге остается идти к самому близкому, понятному и дающему простые решения – к своей религии, исламу, – говорит член научного совета Московского центра Карнеги Алексей Малащенко. – Ислам – это не христианство. Это в Европе религию отделяют от политики, а в мусульманских странах она всегда была заточена на регулирование мирских дел. Пророк Мухаммед был прежде всего политиком, и прав был аятолла Хомейни, когда говорил, что «лишить ислам политики – это кастрировать его».

Тем же, кто не понимал, нужно было лишь снять розовые очки и научиться читать и считать. Да, западные СМИ, а также «Аль-Джазира» с радостью снимали на Тахрире англоязычные транспаранты с надписями о свободе и правах человека (о том, как соблюдались права женщин, имевших несчастье попасть внутрь этой толпы, мир узнал лишь потом), однако надписи на арабском содержали в основном исламистские воззвания. Идеалистам стоило бы также ознакомиться с данными египетской социологии. Согласно опросам общественного мнения, проведенным Pew в июне 2010 года, идеи исламистов разделяли 59 % египтян, а модернизаторов лишь 27 %. В целом более 95 % всех респондентов заявили, что поддерживают усиление влияния исламских идей на политический процесс в стране. По всей видимости, большинство из опрошенных подразумевали введение норм шариата. Так, 82 % египтян приветствуют введение казни за адюльтер через побитие камнями, 77 % – порки и отрубания рук за воровство, а 84 % – казни любого мусульманина, который решится переменить религию. Что касается внешнеполитических предпочтений, то более половины всех респондентов открыто заявили, что поддерживают ХАМАС, 30 % – «Хезболлу», а 20 % – «Аль-Каиду»⁹⁴. Столь высокая идеологическая сопричастность египтян к исламистским группировкам очевидна, если учесть, что к началу «Арабской весны» лишь половина жителей Египта самоидентифицировала себя в первую очередь как «египтяне». Остальные считали себя прежде всего мусульманами⁹⁵.

Они стали идеальным электоратом для получивших после свержения Мубарака полную свободу исламистских течений страны. Самым сильным из них были «Братья-мусульмане» (в арабском мире их называют «Ихван»). В отличие от многих других группировок они не просто занимались коллективными молитвами и изречением синхронных проклятий в адрес Америки/Израиля/неправильных мусульман, а представляли собой мощнейшую социально-экономическую организацию. «Ихван» строил и спонсировал школы, больницы (особенно в сельской местности), помогал нуждающимся и занимался иными формами гуманитарной деятельности. При этом действовал он всегда крайне осторожно и не пытался лезть на рожон. В частности, именно поэтому «Братья-мусульмане» изначально не подключились к протестным движениям. Они не были уверены, как все в итоге обернется, а кроме того, не желали, чтобы возможная египетская революция воспринималась в «зеленом» цвете (это могло бы лишить ее поддержки светской молодежи, а также скорректировать позицию Запада).

⁹⁴ <http://www.jpost.com/Opinion/Columnists/Our-World-Clueless-in-Washington>

⁹⁵ Mansoor Moaddel. What do Arabs Want? Project Syndicate. 04.01.2012 <http://www.project-syndicate.org/commentary/moaddel5/English>

Однако после революции «Братья», используя свои разветвленные ячейки на местах, очень быстро вышли на свет, превратились в ведущую гражданскую силу страны. Уже в конце апреля 2011 года они создали свое политическое крыло – Партию свободы и справедливости (ассоциация с турецкой Партией справедливости и развития показывает, какое именно государство хотели создавать лидеры «Ихвана»). Партия стала готовиться к назначенным на конец 2011 – начало 2012 года выборам, в частности постепенно менять традиционную для «Ихвана» рестриктивную риторику (осуждающую западный греховный образ жизни) на более умеренные и спокойные заявления. В частности, пытались убедить западные власти в том, что не станут вводить никаких ограничений для прибывающих в страну туристов. Так, если раньше Генеральный секретарь Партии свободы и справедливости Мухаммед Саад аль-Кататни возмущался тем, что туристы, приехавшие на курорты Египта, ходят в слишком откровенных нарядах и чересчур налегают на алкоголь, то теперь он принялся уверять в отсутствии у «Ихвана» намерения «говорить туристам, как им следует одеваться, в чем находиться на пляжах, что есть и пить»⁹⁶. Более того, по его словам, партия не намерена указывать это и самим жителям Египта. «Мы не будем заставлять мусульманок и всех остальных женщин носить хиджабы, – заявил Саад аль-Кататни. – Мы имеем право пропагандировать, но вводить это законодательно считаем неприемлемым и немислимым шагом... Употребление алкоголя дома, а также в отелях рассматривается нами как личная свобода граждан, и, следовательно, не может быть запрещено»⁹⁷.

Аналогичным образом самоорганизовалась и другая исламистская сила Египта – радикалы-салафиты. Они назвали свою партию просто «Аль-Нур» («Свет») и также внушали избирателям мысль о том, что в случае прихода к власти займутся прежде всего не принятием различного вида антисекулярных проектов, а решением социально-экономических проблем страны. «Из 80 миллионов египтян алкоголь употребляют примерно 20 тысяч человек. А доступа к чистой воде нет у 40 миллионов. Как вы думаете, какой из этих двух проблем я буду занят в парламенте?» – задавал риторический вопрос представитель салафитов Мухаммад Нур⁹⁸.

⁹⁶ В случае прихода к власти в Египте исламисты обещают не обязывать женщин носить хиджабы и не запрещать алкоголь. ИТАР-ТАСС. 10.12.2011. <http://www.itar-tass.com/c11/294471.html>

⁹⁷ Там же.

⁹⁸ Thomas Friedman. Political Islam without oil. The New York Times. January 10, 2012 <http://www.nytimes.com/2012/01/11/opinion/friedman-political-islam-without-oil.html>

Вся власть «Ихвану»

Теоретически, конечно, у светских либеральных сил был шанс дать бой исламистам. За либералами стоял Запад. Годами США и ЕС тратили миллионы долларов на программы по демократизации Египта и обучение египетской молодежи в надежде на создание в этой стране прозападного либерального среднего класса, который должен будет перехватить выпавшую из рук диктаторов власть. Вложились они и в информационное обеспечение Тахира. По некоторым данным, во время революции «египетских» твитов было лишь 30 %, все остальное писалось из-за границы ⁹⁹. После свержения Мубарака Запад резко усилил финансирование египетских НПО: с февраля по ноябрь 2011 года США перечислили этим организациям 105 миллионов долларов, тогда как за весь период с 2005 по 2010 год было выделено лишь 70 миллионов долларов ¹⁰⁰. Кроме того, этот средний класс и его политических представителей активно раскручивали мировые СМИ (бывший глава МАГАТЭ Мохаммед эль-Барадеи вообще позиционировался как символ и лидер революции, хотя никакого участия в ней не принимал). Кроме того, светские либералы могли надеяться на как минимум понимание управлявшей хунты – генералы прекрасно понимали, чем им грозит приход к власти исламистов, которых они в свое время ловили и отстреливали.

Но свои шансы светские силы не использовали. Слишком рано произошла революция, в результате чего им хватило гнева для того, чтобы свергнуть Мубарака, но при этом не хватило организации для того, чтобы отбить лежащую власть у конкурентов, к борьбе за нее они не были готовы.

Средний класс в Египте был хоть и пассионарным, но достаточно малочисленным, и победить он мог только через единство. Однако секулярные либерально-демократические партии представляли из себя, по сути, фрагментированные идеологизированные группировки вождистского или кланового типа, в которых зашкаливали личные амбиции. Поэтому вместо того, чтобы объединить усилия партии «Аль-Гад», «Новый Вафд», «Свободная египетская партия», «Либеральные демократы» и другие силы, имевшие, в общем, одинаковые политические взгляды, цели и принципы, погрязли в выяснениях отношений друг с другом, спорах о дальнейшей судьбе Мубарака и его сыновей, о легитимности нахождения у власти Высшего совета вооруженных сил, причастности тех или иных сил к «диктатуре Мубарака» и т.д. В итоге на выборы они пошли раздельно, а кое-кто (например, «Аль-Гад») даже вошел в возглавляемый «Ихваном» избирательный блок «Демократический Альянс для Египта».

Неудивительно, что прошедшие в два этапа (28 ноября и 11 января) выборы закончились полным триумфом «Братьев». Из 498 избираемых мандатов в парламент (еще 10 депутатов назначаются исполнительной властью) «Демократический Альянс» получил 127 мандатов, 116 из которых ушло в «Ихван». Плюс к этому представители «Ихвана» взяли 101 мандат из 168 выделенных для «независимых кандидатов». Итого «Братья-мусульмане» получили 217 (а с союзниками – 228) мандатов в парламенте. Это не полное большинство (порядка 45 %), однако «Братьям» удалось назначить либо своих членов, либо аффилированных с ними депутатов главами 14 из 19 парламентских комитетов.

⁹⁹ Aydogan Vatandas. How Erdoğan failed to understand social media and the emergence of participatory culture. Today's Zaman. June 05, 2013

¹⁰⁰ США использовали неправительственные организации в Египте для дестабилизации обстановки. РИА-Новости. 13.02.2012 <http://www.itar-tass.com/c1/341564.html>

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.